

*Наука и общество***НАЧАЛО СКОРБНОГО ПУТИ Н.И. ВАВИЛОВА
(К 125-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО УЧЁНОГО)¹**

Э.И. Колчинский
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники РАН

Аннотация: На основе документов архивов Санкт-Петербурга опровергается один из постперестроечных мифов о том, что конфликт между Н.И. Вавиловым и Т.Д. Лысенко — столкновение лидеров двух научных школ, конкурирующих за финансовые, материальные и людские ресурсы. Показано, что уже в первых атаках на Вавилова, начавшихся до появления Т.Д. Лысенко в качестве сколь-нибудь значимой фигуры в сообществе агрономов и селекционеров, научная составляющая дискуссий была очень незначительна, и в нормальных социально-политических условиях не имела бы столь трагические последствия для многих ее участников. С самого начала критика Вавилова инспирировалась и контролировалась партийными структурами, а его противники в основном руководствовались политико-идеологическими и карьеристскими соображениями. Уже к 1932 г. Н.И. Вавилов потерял независимость в кадровой политике и в значительной степени утратил контроль над возглавляемыми им учреждениями. Таким образом, основные черты «лысенковщины» как социально-политической практики в советской науке сложились до начала борьбы генетиков с лысенкоистами. Тогда же были выдвинуты и главные обвинения в адрес Н.И. Вавилова, в конечном счете приведшие его на костер сталинской инквизиции.

Ключевые слова: «культурная революция», Н.И. Вавилов, А.В. Альбенский, Г.И. Быков, И.И. Презент, ВИПБиНК (ВИР), ВАСХНИЛ, ЦКК — НК РКИ, ЛОКА, ОБМ, партбюро.

Введение²

13 ноября 1887 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Николая Ивановича Вавилова. Биологам и историкам науки он известен как автор многочисленных работ в области генети-

¹Выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12—03—00239.

²Данная публикация представляет собой расширенный, переработанный и дополненный новыми документами текст статьи «Культурная революция в СССР (1929—1932) и первые атаки на школу Н.И. Вавилова (по материалам санкт-петербургских архивов)» в «Вавиловском журнале генетика и селекция» (2012. — Т. 16. — № 3. С. 502—539).

ки, эволюционной теории, систематики, географии и экологии растений, фитопатологии и иммунологии, теории селекции, истории материальной культуры. Для социальных историков Вавилов интересен, прежде всего, как один из создателей советской модели организации науки, руководитель мощной школы в растениеводстве и лидер советских генетики, добившийся ее широкого признания и в СССР, и за рубежом. Но в памяти образованных людей во всем мире Вавилов остался как символ трагической российской науки и главный оппонент Т.Д. Лысенко, отдавший жизнь за свои научные убеждения. Такая трактовка до недавнего времени доминировала в отечественной и зарубежной литературе и казалось, что не осталось невыясненных моментов в истории противостояния Н.И. Вавилова создателям мичуринской биологии и что выработанные оценки связанных с ним событий окончательны и пересмотру не подлежат. Тем не менее, в последние годы наблюдается взрыв публикаций, претендующих на новый взгляд на противостояние Н.И. Вавилова и Т.Д. Лысенко. Развернувшиеся дискуссии в русскоязычном пространстве были продолжены на симпозиумах «Лысенкоизм» (Нью-Йорк, 2009; Вена, 2012), «Пересмотр „дела Лысенко“» (Токио, 2012). Новым подходам к трактовкам противостояния генетиков и сторонников мичуринского учения был посвящен специальный выпуск журнала «Историко-биологические исследования» (2011. № 2).

Все это стало стимулом в дни подготовки к юбилею Н.И. Вавилова обратиться к изучению социально-политической среды, где зарождалось противостояние генетиков и апологетов мичуринской биологии. На базе архивной информации, выявленной в Центральном государственном архиве историко-партийных документов (ЦГАИПД)³ и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПФ АРАН), удалось уточнить дату начала первых атак на Вавилова, которые оказались обусловлены в значительной степени «культурной революцией» (1929–1932), а также выявить круг их инициаторов, установить побудительные мотивы первых критиков Вавилова, отразить накал и ожесточенность дискуссий и причины их завершения. На мой взгляд, это позволяет лучше понять истоки последовавшего противостояния Н.И. Вавилова и Т.Д. Лысенко в контексте общего взаимодействия науки и различных структур партийно-государственного аппарата в тот период. При этом, по мере сил я пытался учитывать историко-научную литературу последних лет, прежде всего, содержащую новые подходы с учетом истории лысенкоизма не только в СССР, но и в других странах⁴.

Из результатов изучения лысенкоизма в Японии, Франции, Италии и т. д. свидетельствуют, что столкновение групповых интересов — неизбежный атрибут любого творческого сообщества, в том числе и научного, но формы и исход его в российских условиях был определен с дискуссионностью понимания разными правительственными структурами, что такое наука и какая наука нужна стране, т. е. власть преобладающим. В отличие от других стран, где, в конечном счете, этот вопрос решали совместно ученые, общество и власть, в России окончательный вердикт выносит только власть. А его последствия для самой науки и ее творцов зависят от степени жесткости и авторитарности режима. К сожалению, иначе на это смотрят некие отечественные авторы, споря до сих пор, а кто «герой», а кто «злодей» или «конформист» Этот спор продолжается более полувека и в историографии, посвященный Н.И. Вавилову и Т.Д. Лысенко.

³Прежде всего, это фонд партийной организации возглавляемого Н.И. Вавиловым Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур / Всесоюзный институт растениеводства. К глубокому сожалению материалы за 1934—1941 гг. уничтожены более полувека назад, как сказано в предисловии к описи фонда. Кто, когда и почему уничтожил не сообщается. Отдельные документы парторганизации хранятся в фондах Ленинградского обкома и Октябрьского райкома ВКП(б).

⁴Левина Е.С. Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... — Москва: Агро-XX, 1995; Есаков В.Д. Николай Иванович Вавилов: страницы биографии. — Москва: Наука, 2008.; Фудзиока Цуеши. Зачем лысенковщина появилась? Плод и срыв диалектизации биологии (на япон. яз.). — Токио, 2010; и др.

Противостояние Н.И. Вавилова и Т.Д. Лысенко в историко-научной и популярной литературе

Начиная с трудов Л. Грэхэма (Graham, 1966) и Д. Жоравского (Joravsky, 1970), причины, породившие это противостояние обычно рассматривали в контексте научной политики СССР, уделяя особое внимание политике в области сельского хозяйства, и вытекающей из этого отношения к генетике, селекции и мичуринской биологии, а также марксистскому пониманию взаимоотношений между властью, идеологией и естествознанием⁵. По мнению Д. Лекота (Lecourt, 1977), лысенкоизм был порожден прежде всего насильственным внедрением диалектического материализма в биологию⁶, в то время как биологи Р. Левонтин и Р. Левинс не усматривали этой связи⁷.

Ж.А. Медведев и А.Е. Гайсинович заложили традицию в русскоязычной литературе описывать события с точки зрения сторонников одной из групп, участвовавших в этой дискуссии, изображая при этом события в черно-белом свете и разделяя их участников на правых и виновных⁸. Генетиков и поддерживавших их ученых изображали жертвами лысенкоистов, бескорыстными искателями истины, а их оппонентов коварными злодеями, жаждавшими только власти и денег. Эта позиция нашла отражения в бестселлере времен перестройки — романе В.Д. Дудинцева «Белые одежды» (1988). Немного позже она была положена в основу талантливых биографических очерков С.Э. Шноля «Герои и злодеи российской науки» (1997), переиздававшихся несколько раз. Правда в последнем ее издании С.Э. Шноль существенно изменил название «Герои, злодеи и конформисты отечественной науки» (2009), подчеркивая, что ситуация в те годы была гораздо сложнее, чем описывалась им прежде.

Открывшиеся в 1990-е гг. партийно-правительственные архивы и рассмотрение ранее недоступных материалов с позиций современной социальной истории науки поколебали прежние мифы о лысенкоизме как уродливом порождении тоталитарного режима. Отношения ученых и власти стали трактовать с позиций концепции «централизованного плюрализма», предполагающего сложные взаимодействия различных групп ученых со столь же неоднородными правящими структурами. Как показал Н.Л. Кременцов в книге «Сталинская наука», многие дикие события (bizarre events) в истории советской науки были порождены сложившейся в 1930-е гг. советской моделью организации науки, с ее сложной системой иерархических структур, порождающих беспощадную конкуренцию различных групп ученых за финансовые, материальные и людские ресурсы⁹. Причем формы и способы этой борьбы в значительной степени определялись спецификой этоса советских ученых, вынужденных адаптироваться к новой власти и использовать привычный ей язык, формы дискуссий и ритуалы поведения еще со времен окончания Гражданской войны¹⁰. Вместе с новыми подходами появились и новые мифы, которые породили новые. Всех участников тех событий нередко изображали уже только в одном, сером цвете как конкурентов за финансы, за внимание власть предержащих, за доминирование своих школ, за упрочение социальных сетей и созда-

⁵Graham L. Science and philosophy in the Soviet Union. — New York: Vintage book, 1966; Joravsky D. The Lysenko affair. — Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1970.

⁶Lecourt D. Proletarian science? : the case of Lysenko. — London : New Left Book, 1977.

⁷Lewontin R., Levins R. The Problem of Lysenkoism. // The radicalisation of science: Ideology of / in the natural sciences / Ed. H. Rose & S. Rose — London: Macmillan press, 1976.

⁸Medvedev Zh.A. «The Rise and Fall of T.D. Lysenko». New York: Columbia Univ. Press, 1969; Gaissinovich, A. E. The origin of soviet genetics and the struggle with Lamarckism. — J. Hist. Biol. — 1980. — Vol. 13. — Pp. 1—51.

⁹Krementsov N. L. Stalinist Science. — Princeton: Princeton Univ. Press, 1997.

¹⁰Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 440—549.

ние собственных «научных империй». За рамками при этом оставляли научную практику и ее содержание, как и вопросы соответствия методов исследований участников дискуссий нормам и ценностям мировой науки.

Впоследствии вышел ряд историко-научных исследований, где на базе новых материалов исследовалась судьба советской генетики и ее создателей. Это, прежде всего, детальный анализ причин ареста Н.И. Вавилова, хода следствия и гибели ученого¹¹. Его сын Ю.И. Вавилов опубликовал сборник документов и воспоминаний о братьях Николае и Сергее Вавиловых¹². Многие детали биографии Вавилова, в том числе связанные с борьбой против Лысенко, уточнил В.Д. Есаков¹³. Все эти книги, как и книга американского журналиста П. Прингла «Убийство Н.И. Вавилова»¹⁴ способствовали пониманию его деятельности как борьбы академического сообщества СССР за сохранение мировых стандартов науки. Прингле показал, что, несмотря на попытки уравнивать палачей и их жертвы, Вавилов по-прежнему признан в научном сообществе как «один из великих ученых двадцатого века» и как символ борьбы за ее свободу.

Тем не менее, кампания за реабилитацию Лысенко не утихает. Ему приписывают предвидение современных представлений о цитоплазматической наследственности и эпигеномной концепции онтогенеза, успешное и дешевое решение практических проблемы сельского хозяйства в отличие от Вавилова и других генетиков, занятых якобы только борьбой за финансирование своих исследований и продвижением проектов во властных структурах, перспективность которых они прикрывали ссылками на мировую науку. Особенно часто Вавилова обвиняют в растрате государственных средств на бесплодные экспедиции и международные бесполезные связи. Эти обвинения, рожденные еще в начале 1930-гг. в недрах ОГПУ, недавно вновь блестяще опровергнуты в книге крупного американского ботаника-этнолога Г. Нэбхэн с красноречивым названием «Откуда к нам приходит пища: исследования усилий Николая Вавилова покончить с голодом»¹⁵. Автор ярко показал огромную роль экспедиций Вавилова и его концепции о центрах происхождения культурных растений для решения проблем голода во многих регионах мира.

Утверждают, что генетикам «повезло» стать жертвами сталинских репрессий и за это их сейчас превозносят, тогда как Лысенко бичуют за то, что он был патриотом, боролся с евгеникой, добился крупных успехов в селекции растений и в животноводстве, разработал методы яровизации, посевов на стерне, создания лесозащитных полос, развивал травопольную систему, противостоял хрущевским авантюрам. В последние годы эта версия нашла поддержку даже в «Литературной газете», считавшейся респектабельной среди российской интеллигенции¹⁶, и в серии монографий, изданных как журналистами, так и лицами с учеными степенями¹⁷. Уверяют, что никакой «лысенковщины» не было, а была «антилысенковщина»

¹¹Суд палача. Николай Иванович Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы / Сост. Я.Г. Рокитянский, Ю.Н. Вавилов, В. А. Гончаров. — Москва: Academia, 1999;

¹²Вавилов Ю.И. «В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых». — М.: ФИАН, 2004.

¹³Есаков В.Д. Николай Иванович Вавилов: страницы биографии. — Москва: Наука, 2008.

¹⁴Pringle P. The Murder of Nikolai Vavilov. The Story of Stalin's Persecution of One of Great Scientists of the twentieth Century. — New York et al.: Simon&Schuster, 2008.

¹⁵Nabhan.G. Where Our Food Comes From: Retracing Nikolay Vavilov's Quest to End Famine. — Washington: Island Press; Shearwater Books, 2009.

¹⁶Анохин М.И. Академик Лысенко и бедная овечка Долли // Литературная газета — 2009 — № 11.- С. 12 (18 марта).

¹⁷Пыженков В.И. Николай Иванович Вавилов — ботаник, академик, гражданин мира.- М.: Самообразование, 2006; Миронин С.С. Дело генетиков. — М.: Алгоритм, 2008; Овчинников В., Коненков П.Ф., Чичкин А., Дрягин И.В. Трофим Денисович Лысенко — советский агроном, биолог, селекционер. — М.: Самообразование, 2009; Кононков П.Ф. Вклад Т.Д. Лысенко в победу в Великой Отечественной войне. Москва: Самообразование, 2010. Овчинников Н.В. Академик Трофим Денисович Лысенко. — М.: Луч, 2010.

как этап перестройки, разрушившей СССР». Историк и публицист Ю.Н. Мухин «разоблачает» мифы о «царице наук генетике», о «великом ученом Вавилове» и «авантюристе Лысенко»¹⁸, а генерал-лейтенант медицинской службы Ю.А. Бобылов главную цель генетики, особенно проекта «геном человека», увидел в создании генетического оружия, угрожающего белой расе, к которой принадлежит 90% населения России¹⁹. Поднятая в конце прошлого года в прессе шумиха о расшифровке генома «русского человека» как бы придает некий смысл подобным утверждениям.

Было бы неверно рассматривать все это как действия неких маргиналов в науке. Скорее это и «жажда реванша» идей Лысенко у части научного сообщества, прежде всего в тех учреждениях, где по-прежнему сильны позиции учеников его сторонников, которые остались на своих постах и после 1964 г., продолжая пестовать собственные школы. В них есть желание актуализировать спор, каким должно быть учреждение по прикладной ботанике. Определенную роль играет и рост антисциентистских настроений в обществе, попытки уравнивать в правах науку и псевдонауку. Не случайны и попытки отобрать у ВИР его историческое здание, часть опытных станций и экспериментальных хозяйств, а также сотни гектаров опытных полей под Санкт-Петербургом, которые предполагают распродать по конкурсу под строительство коттеджей. Впрочем, подобные трудности испытывают все научные и образовательные учреждения Санкт-Петербурга, составляющие подлинную гордость России и оказавшиеся распорядителями собственности, на которые положили глаз алчные хозяева современной России, для которых нет ничего святого. Примером может служить нынешняя попытка изгнать Военно-медицинскую академию с территории, отведенной ей ещё Петром Великим. Шельмование великих ученых России, видимо, должно служить моральным оправданием тех, кто покушается на здания, учреждения, больницы, клиники и опытные поля, хранящие память о них. Очевидны и социально-политические корни этих процессов, связанные с поисками «суверенной российской демократии» и пропагандой представлений Лысенко как творца самобытной российской науки и всяческим шельмованием Н.И. Вавилова.

Генетики, представляемые вновь властям и обществу как агенты внешнего врага, вынуждены защищать свою науку от ностальгирующих по сталинским временам²⁰. Категоричен в своих выводах И.А. Захаров-Гезехус, утверждающий, что «суд истории над участниками драмы, разыгравшейся в советской биологии во второй трети XX, уже состоялся. Ее приговор не подлежит пересмотру»²¹. С ним, по существу солидарны авторы публикаций о судьбе лысенкоизма не только в странах Восточной Европы, но также в Италии, Китае, Франции и Японии. В последней лысенкоизм был особенно силен. Японское мичуринское общество в период своего расцвета в конце 1940-х гг. включало около 400 человек студентов, инженеров, биологов, в том числе выдающегося агронома Фукушима, и даже генетиков-менделистов Шиното Ёшито, Хадзама Кадзуо, Фукумото Ничие и др. Современные ученые и историки, включая ветерана Японского мичуринского движения Сундзуки Дзэндзи, с недоумением вглядываются в недавнее прошлое биологии в своих странах, не понимая, как такое могло произойти, и объясняют происшедшее влиянием пропаганды мнимых достижений Т.Д. Лысенко, навязыванием советских трактовок биологии странам, зависимым от СССР, послевоенной популярности марксизма и коммунистических идей, слабому знакомству ученых мно-

¹⁸Мухин Ю.И. Генетика-продажная девка. Познание мира или кормушка?. — М.: Быстров, 2006.

¹⁹Бобылов Ю.А. Генетическая бомба. Тайные сценарии биотерроризма. — М.: Белые альвы, 2006.

²⁰Захаров-Гезехус И.А. Эксгумация лысенковщины. — Препринт. 2009; Соколова Т.И. Наследие И.В. Мичурина. Мифы и реальности. — Луганск: ПЦ «Максим», 2010.

²¹Захаров-Гезехус И.А. Попытки реабилитации лысенковщины // Историко-биологические исследования. — 2011. — Т. 3 — № 2. — С. 129.

гих странах с достижениями генетики и т. д.²² Следует отметить, в зарубежной литературе нет попыток как-то оправдать лысенкоизм, а тем более подвергнуть сомнению достижения Вавилова.

Однако апологеты лысенкоизма пытаются уверить, что якобы нет никаких документально доказанных фактов организованной травли Вавилова. Между тем подобными фактами переполнены фонды главных научных архивов Санкт-Петербурга и странно, что они до сих пор не введены в научный оборот. Это прежде фонды Ленинградского отделения Коммунистической академии, партийной организации ВИР, Ленинградского института аспирантуры ВАСХНИЛ, свидетельствующие о том, что первая организованная атака на Вавилова датируется 1930 г. и была обусловлена как общей социально-политической обстановкой в период культурной революции, так и внутринститутскими конфликтами. Обращение к этим документам позволяют уточнить ряд социально-культурных, идейно-политических, а порой и личностных факторов первых организованных нападков на Н.И. Вавилова и выяснить исходные моменты его пути на эшафот и последующее появление Т.Д. Лысенко в качестве главного оппонента, назначенного в конечном счете лидером всей сельскохозяйственной науки вместо Вавилова. Особую роль в этих событиях сыграли попытки в 1920-начале 1930х гг. создать особую пролетарскую биологию, противостоящую стандартам мировой науки и в первую очередь генетике, становящейся лидирующей биологической дисциплиной в англо-американском и немецком языковых пространствах.

Н.И. Вавилов и начало советизации биологии

События, разыгравшиеся в Ленинграде в конце 1920-х-начале 1930-х гг., и получившие название «культурной революции», были неизбежным результатом трансформаций научного сообщества во время гражданской войны и НЭП (1921—1927) и особенно «советизации» АН СССР (1928—1929). По замыслу ее инициаторов, ученые должны были стать частью общегосударственного аппарата, всецело подчиненного большевикам, и не просто выполнять отдельные задания правительства, а быть проводниками его политики в области подготовки кадров для создания пролетарской науки и участвовать в пропаганде достижений советской науки за рубежом. Этим целям первоначально соответствовал Н.И. Вавилов, прекрасный и обаятельный ученый, с огромной работоспособностью, сумевший много сделать для улучшения имиджа страны в глазах образованных кругов США и Западной Европы.

Это показала властям его длительная командировка 1921 г. в США и Западную Европу, во время которой он посетил главные генетические и селекционные центры, закупая селекционный материал, книги, оборудования и устанавливая прочные научные контакты. По возвращению на родину он активно участвовал в 1922 г. в реорганизации Сельскохозяйственного Ученого комитета (далее СХУК) Наркомзема в Государственный институт опытной агрономии (ГИОА), директором которого был избран Н.М. Тулайков, но после его отказа занять этот пост Н.И. Вавилов в 1923 г. возглавил первый в истории страны комплексный сельскохозяйственный Институт. В 1924 г. он превратил Отдел прикладной ботаники и селекции

²²Kremetsov N. Lysenkoism in Europe: Export — Import of the Soviet Model // *Academia in upheaval Origins, transfer and transformism of the communist academic regime in Russia and the east central Europe* / Ed. M. David-Fox, G. Péteri. — London — Bergin&Garvey, Westport, Conn., 2000. Pp. 179—2002; Hossfeld U., Ollson L. From the Modern Synthesis to Lysenkoism, and Back? // *Science* — 2002 — Vol. 297. — N. 5578. — Pp. 55—56; Argueta A., Noguera R., Riuz R. La recepción del lisenkismo en Méxoco // *Asslepio* — 2003 — Vol. 55 — Fasc. 1 — Pp. 235—362; Köhler P. Lysenko's affair and Polish Botany // *J. Hist. Biol.* 2011 — Vol. 44 — № 2. — Pp. 305—343; Cassata F. The Italian Communist Party and the "Lysenko Affair" (1948—1955) // *J. Hist. Biol.* — 2011 — № 2 — Pp. 1—30; Schneider L. Michurinist Biology in the People's Republic of China, 1948—1956 // *J. Hist. Biol.* 2011 — N 2. Pp. 1—32.

(ОПБис)²³ во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (ВИПБиНК). Под крышей последнего Вавилов собрал десятки первоклассных специалистов из разных отраслей биологии, которых старался сплотить в единый, быстро растущий коллектив (к середине 1928 г. только его центральная часть насчитывала около 300 сотрудников, увеличиваясь ежегодно на 10–15 %). Трудности для интеграции людей с разным образованием, квалификацией, политическими взглядами создавало сохранявшееся разнообразие взглядов на стратегию развития института и степень ухода от традиционных проблем БПБ, а также на роль фундаментальных исследований в решении сельскохозяйственных проблем.

Говорят, В.Л. Комаров, не очень благоволивший к Н.И. Вавилову, первым назвал ВИР Вавилоном. Кто-то считал подобное название почетным, другие насмешкой, а Н.И. Вавилов как будто им даже гордился. Но Комаров, возможно, неожиданно для себя оказался прав. Для некоторых ученых, работавших еще в Бюро по прикладной ботанике (БПБ), ВИПБиНК, видимо, казался подлинным «вавилонским столпотворением» многих научных дисциплин, терминов, методов и т. д. и они призывали остаться в рамках традиционной программы, сузить задачи интродукцией новых растений, сортоиспытанием и районированием²⁴. Среди них был садовод и дендролог Д.Д. Арцыбашев, работавший еще в Министерстве земледелия и государственных имуществ, а затем одним из заместителей председателя СХУК и возглавлявший в ВИПБиНК отдел натурализации. Взгляды Арцыбашева разделял заведующий Отделом интродукция растений А.К. Колю, а также бывший сотрудник БПБ, крупный специалист по селекции картофеля, организатор и первый директор Всесоюзного НИИ картофельного хозяйства А.Г. Лорху. Эти обычные в научной среде разногласия в 1927 г. были вынесены за пределы ВИР в высшие правительственные сферы, что определила жесткость дискуссий и мер по отношению к проигравшим, а в условиях «великого перелома» «культурной революции» 1929—1932 гг. приобрели ярко-политическую окраску и стали предметом разбирательств многочисленных бригад Ленинградского обкома и Октябрьского райкомов ВКП(б), РККИ, ряда учреждений Ленинградского отделения Коммунистической академии, и даже ОГПУ. В них коренятся и некоторые пусковые механизмы будущей трагедии Вавилова.

ВИПБиНКт стал первым звеном будущей Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), об организации которой было принято постановление ЦИК СССР 8 августа 1924 г. В 1929 г. Вавилов был назначен первым президентом ВАСХНИЛ, осуществив тем самым вековую мечту российского научного сообщества о комплексе научно-исследовательских институтов для модернизации отсталого сельского хозяйства России и тем самым предотвратить столь часто случавшиеся в 1914—1927 гг. неурожаи и голод²⁵. Власти доверяли Вавилову и финансировали его многочисленные зарубежные экспедиции для сбора коллекций семян культурных растений и их диких сородичей для мобилизации генофонда. При поддержке властей ему удалось создать широкую сеть опытных станций ВИПБиНК в разных регионах страны, для выявления всего спектра полезных свойств растений в различных природных условиях и для ведения селекционных работ.

Возглавляя всю сельскохозяйственную науку в СССР и ВАСХНИЛ, Вавилов прекрасно вписывался в традиционное академическое сообщество. В 1923 г. он был избран членом-корреспондентом РАН, а в год «укрощения» АН СССР (1929) ее действительным членом, воз-

²³До 1918 г. Бюро по прикладной ботанике (БПБ) СХУК.

²⁴Об этом конфликте наиболее подробно рассказала: Синская Е. Н. Воспоминания о Н.И. Вавилове. = Киев: Наукова думка, 1991. С. 54—57. О его значении для понимания реального положения Н.И. Вавилова во времена «исключительного благоприятствования для “карьеры” Вавилова» убедительно описала Е.С. Левина (1995. — С. 38—39). См. также: Гончаров Н.П. К 120-летию со дня рождения Н.И. Вавилова // Информ. вестник ВОГиС. — 2007. — Т. 11. — С. 479—525.

²⁵Таугер М. Голод, голодомор, геноцид? Голод, сельское хозяйство и советская сельскохозяйственная политика. Київ: Довіра, 2008.

главив в 1930 г. после смерти Ю.А. Филипченко, Лабораторию генетики АН СССР, которую в 1934 г. превратил в институт. В 1926 г. он стал одним из первых пяти лауреатов премии имени В.И. Ленина, 1921—1929 гг. был профессором кафедры генетики и селекции Ленинградского сельскохозяйственного института. В годы, предшествовавшие «культурной революции», были сделаны его наиболее крупные теоретические обобщения: закон гомологичных рядов (1920) и центры происхождения культурных растений (1926).

При создании этих концепций Вавилов использовал идеи В. Бэтсона, Я. Лотси и Г. де Фриза. Он находил близость своих взглядов с теорией номогенеза Л.С. Берга и негативно относился к кампании ее осуждения и критики, которую начали сторонники классического дарвинизма (В.М. Шимкевич, А.М. Никольский, В.И. Талиев) и к которой в середине 1920-х гг. подключились первые генетики-марксисты²⁶. Но сам Вавилов воздерживался от публичного изложения своих эволюционных взглядов. В отличие от Ф.Г. Добржанского, А.С. Серебровского, Ю.А. Филипченко он не отвергал публично принцип наследования приобретенных признаков, хотя и не находил подтверждавших его фактов. Ничего Вавилов не писал о проблеме взаимоотношения ламаркизма, дарвинизма и генетики, которой были посвящены многие доклады в секции естественных наук и точных наук Комакадемии, возглавляемой О.Ю. Шмидтом. Прочитанные там доклады и выступления М.В. Волоцкого, Н.П. Дубинина, Б.М. Завадовского, М.Л. Левита, С.Г. Левита, М.М. Местергази, М.С. Навашина, А.С. Серебровского, Е.С. Смирнова, С.С. Четвертикова и др. привлекали большое количество слушателей и вызвали яростные дискуссии по проблемам генетики и эволюции²⁷. Имя Вавилова ни разу не зафиксировано в протоколах заседаний этой секции, хотя выработанные там суждения и оценки, в частности эволюционных идей его зарубежных учителей и друзей, потом окажутся не безразличными для него. Не было его и среди членов созданного в те годы Обществе биологов-материалистов, объединявшего к началу культурной революции более 200 биологов различных специальностей, включая многих генетиков, проявлявших интерес к марксистской философии и пытавшихся как-то использовать ее в своих исследованиях.

Вавилову явно все это было не интересно, да и не было времени для занятия философствованием. В заключенном им «союзе науки и труда» была какая-то грань, которую он в отличие от некоторых своих коллег-генетиков не стремился переходить и не пытался присоединиться к диалектизации или пролетаризации биологии, которая должна была стать советским вариантом «идеологически корректной науки». Да в то время власти не требовали от него идеологической идентификации и, цени его международный авторитет и готовность к сотрудничеству, а, напротив, всячески привлекали Вавилова к активной государственной и общественной деятельности. Он был членом формально высших органов власти в СССР — Центрального исполнительного комитета (1926—1935), — и в РСФСР — Всероссийского Центрального исполнительного комитета (1927—29), с 1929 — членом коллегии Народного комиссариата земледелия, избирался в состав Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. Он мог напрямую докладывать высшим руководителям страны, включая председателя Совнаркома А.И. Рыкова, излагать свои научные планы и заручаться их поддержкой.

Чувствуя заинтересованность властей, Вавилов твердо отстаивал свои права как директора ВИР и резко отверг прозвучавшие в 1927 г. обвинения в недостаточном внимании к научно-организационной работе, в отходе от руководства ВИР, к критике выбранных им стратегий исследований, в отрыве их от практики²⁸. Возмущенный вмешательством Председателя Совета ВИБиНК и одновременно Управляющего делами Совета народных комисса-

²⁶Агол И.И. Диалектический метод в эволюционной теории» — М.; Л.: Госиздат, 1927.

²⁷АРАН. Ф. 350. Оп. 2.: Д. 112. Л. 1—58; Д. 115. Л. 1—70; Д. 93. Л. 1—68; Д. 68. Л. 1—71; Д. 217. Л. 1—81.

ров (СНК) Н.П. Горбунова в дела института и назначением заместителем директора Института Д.Д. Арцыбашева, Вавилов подал в отставку. Конфликт после переговоров, заседаний Ученого совета ВИПБиНК был улажен, Арцыбашев ушел из Института²⁹.

Но механоламаркист А.К. Коль остался в нем и продолжал настаивать, что интродукция, сортоиспытание и районирование сортов должны быть главными задачами Института, обвиняя Вавилова в академизме, в увлечении экспедициями, авторитаризме, а позднее — в зажиме молодых специалистов и даже во вредительстве³⁰. Конфликт завершился снятием Коля с должности заведующего Отделом интродукции в 1929 г., но проблема осталась. В лице А.К. Коля Вавилов приобрел непримиримого врага и одного из протагонистов лысенкоизма в ВИР, а некоторые аспиранты Ленинградского института аспирантуры ВАСХНИЛ, появившиеся в ВИПБиНК в 1929 г., — знамя борьбы против администрации. И эта борьба явно поощрялась сверху. Власти, уже привыкшие к беспрекословному выполнению учеными их указаний, явно остались недовольны проявленной Вавиловым независимостью. В то же время в целом они продолжали доверять Вавилову, видя в нем олицетворение провозглашаемого «союза науки и труда» и дореволюционного ученого, поверившего в идеалы социализма и соединившего теорию с насущнейшими вопросами сельскохозяйственной практики.

В целом в те годы Вавилов основное внимание уделял научно-организационной и исследовательской работе и не участвовал в дискуссиях по внедрению диалектики в практику биологических наук и в создаваемых с этой целью различных учреждений Коммунистической академии, типа Общества биологов-марксистов (ОБМ) и Общества воинствующих материалистов диалектиков (ОВМД). Правда, его назначали председателем Ленинградского отделения Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству, т. е. печально известного ВАРНИТСО, созданного постановлением Совнаркома от 13 февраля 1928 г. как «приводной ремень» между партией и научной интеллигенцией. По замыслу ее создателей, новая организация должна была развернуть непримиримую борьбу с частью научной и технической интеллигенции, «враждебной социалистическому строительству», против «контрреволюции и вредительства», нередко прикрываемых внешней лояльностью к советской власти, аполитичности и нейтральности, а также против малoverов, правых и левых оппортунистов и двурушников, идейных помощников контрреволюции и вредительства³¹. В ходе борьбы следовало использовать всяческие ошибки научных руководителей, чтобы ослабить их влияние среди специалистов и доказать, что их авторитет является ложным. При этом планировались не только прямые удары по крупным ученым, но и по поддерживавшей их молодежи. Именно эти рекомендации были вскоре использованы против Вавилова, который не только сам им не следовал, но, видимо, не поощрял их и в своем Институте. В отчете о работе ВАРНИТСО в ВИПБиНК за период с 15 января по 15 августа 1929 г. сказано: «Как и ВАРНИТСО в целом коллектив ВАРНИТСО при наших институтах до последнего времени является организацией декларативной, не начавшей практической работы. Всю предыдущую работу следует рассматривать как популяризацию идеи ВАРНИТСО, вовлечение новых членов, организационное оформление и намечение конкретных путей и методов работы»³². Формально за полгода в ВАРНИТСО удалось вовлечь 45 (10 научных сотрудников, а остальные их ассистенты, а также лаборанты, аспиранты и агроно-

²⁸Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1929–1940 гг. — Научное наследство. Т. 10. М.: Наука, 1987. — С. 308—309; Есаков...2008, с. 149—151.

²⁹Рядом с Н.И. Вавиловым. — М: Советская Россия, 1973. — С. 164; Письма Н.И. Вавилова Н.П. Горбунову. — Бахтеев Ф.Х. Николай Иванович Вавилов. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 260—261.

³⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 83—84.

³¹СПФ АРАН. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

³²ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.

мы), в том числе 23 члена партии и 3 комсомольца, следов их работ не осталось ни в каких документах. Несмотря на разработанные планы и методы ВАРНИТСО осталось чисто декоративной организацией, впрочем, как это было в АН СССР³³. Из письма Вавилова заведующему научными учреждениями СНК СССР Е.П. Воронову от 11 июня 1929 г. видно, что он делал все от него зависящее, чтобы не допустить «чисток» в ВИПБиНК³⁴.

Вавилов не поддержал, но и не осудил попытки некоторых ученых, например, ботаника Б.М. Козо-Полянского, зоолога А.А. Любищева, психоневролога В.М. Бехтерева и генетика А.С. Серебровского, использовать идеологические аргументы при решении естественнонаучных проблем. Между тем научные дискуссии все больше политизировались с включением в них биологов и философов, получивших, как правило, высшее образование через рабфаки, Институт красной профессуры, Коммунистические университеты³⁵. Особое значение имела деятельность генетиков И.И. Агола, С.Г. Левита, В.Н. Слепкова и Е.А. Финкельштейна, которые в 1927 г. возглавили организации и учреждения, созданные для внедрения диалектического материализма в биологию. Имея опыт гражданской войны, студенческих и партийных чисток, они активно использовали политические аргументы и лозунги, внося в биологические дискуссии дух непримиримости, обвиняя оппонентов в витализме, мистицизме, идеализме, телеологии. Им подражали и многие молодые биологи. Однако Вавилов в то время оставался вне критики. Для главных диалектизаторов биологии он был не только коллега, но и представитель власти, а власть молодые выдвиженцы умели уважать. Они знали, что проигравших в дискуссиях исключали из партий и перечеркивали все надежды на карьеру.

Их стиль «аргументации» усваивали и другие участники дискуссий. Выступая 20 ноября 1926 г. в Комакадемии, крупный генетик А.С. Серебровский звал к бескомпромиссной борьбе с ламаркизмом «под знаменем революционного марксизма всюду и в первую очередь в стенах Коммунистической Академии». Обычной стала аргументация о том, что научные концепции имеют практическое значение для социалистической реконструкции.

Идеологические дискуссии и проработки уже в те годы нередко завершались кадровыми перестановками. В результате идейной формой зачастую прикрывался откровенный карьеризм. Молодые биологи-марксисты объективно воспринимали лидеров традиционных научных школ как конкурентов и стремились ускорить профессиональную карьеру, обвиняя своих учителей и коллег в приверженности «буржуазной» науке. Но и многие биологи старшего поколения участвовали в марксистских организациях и журналах, стараясь сохранить или повысить свой социальный статус, получить финансовую поддержку, низвергнуть конкурентов или защититься от нападков. Например, как показала дискуссия в апреле 1925 г. на заседании Научного общества марксистов (НОМ) в Ленинграде, представители, по крайней мере, четырех школ в нейрофизиологии (В.М. Бехтерева, В.А. Вагнера, И.П. Павлова и А.А. Ухтомского) стремились доказать, что именно их взгляды должны стать основой марксистской социологии. Но и в этих дискуссиях Вавилов не участвовал.

При отсутствии ясных представлений у ученых о марксистской философии каждый мог объявлять близкие ему теории и концепции соответствующими марксизму, а взгляды оппонентов и конкурентов антимарксистскими. В обстановке ожесточенных дискуссий по общетеоретическим проблемам биологии и конкуренции за государственную поддержку своих исследовательских проектов формировалась практика навешивания ярлыков на научных оппонентов, которых шельмовали как реакционеров и пособников мировой буржуазии. Эта прак-

³³Колчинский. 1999. — С. 196–198.

³⁴Николай Иванович Вавилов... С. 53—54.

³⁵David-Fox M. *Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks*. — Ithaca; London: Cornell Univ. press, 1997; Behrendt L.-D. *Die Institute der Roten Professur: Kaderschmieden der sowjetischen Parteiintelligenz (1921—1938)* // *Jb. für Geschichte Osteuropas*. — 1997. — Bd. 45. — Hf. 4. — S. 597—621.

тика вскоре будет апробирована и на Вавилове. Ведь в научных дискуссиях 1920-х гг. все острее становилось не столько стремление убедить оппонента в своей правоте, сколько указать властям на вредность его взглядов и исследований.

Эпицентром идеологических бурь, сотрясавших биологию в эти годы, была Москва, где находились основные марксистские учреждения и общества, а близость к партийно-правительственным кругам обостряла конкуренцию. Иная картина наблюдалась в Ленинграде, где сохранялись научные школы, лидеры которых не оказывали поддержки диалектизации биологии. С 1925 г. в работе естественнонаучной секции НОМ, которой руководил физиолог А.А. Ухтомский, участвовал юрист И.И. Презент. Он собрал вокруг себя группу студентов, с помощью которых пытался дестабилизировать ее работу, встречая, однако, отпор со стороны руководства секции и НОМ³⁶. Вскоре стало ясно, что НОМ не справляется с задачами пропаганды марксизма среди ученых Ленинграда и в начале 1930 г. оно было ликвидировано, а его Естественнонаучная секция сначала вошла в созданное Общество воинствующих материалистов-диалектиков, а вскоре стала основой Ленинградского Общества биологов-марксистов (ОБМ), которое возглавлял И.И. Презент. Главным генетиком в нем считалась его жена Б.Г. Поташникова. В него входили и некоторые молодые сотрудники ВИР, критиковавшие Вавилова.

**«На помощь полям идёт советская наука»:
преддверие конца «союза науки и труда»**

1929 г., провозглашенный годом «великого перелома», стал годом триумфа генетики и факта наибольшего ее признания со стороны властных структур, общества и прессы. Вместе с тем пропаганда ее достижений стала принимать характер идеолого-политической кампании с демонстрацией готовности генетиков и селекционеров преодолеть трудности в сельском хозяйстве, отстающего от темпов индустриализации. Это показал 1-ый Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, проходивший в Ленинграде 10—16 января 1929 г.

Инициатором съезда был ВИПБиНК. Вавилов через Н.П. Горбунова добился постановления СНК СССР от 21 сентября 1926 г. о его проведении³⁷, а затем, когда не удалось провести съезд в намечаемые сроки, повторные разрешения в январе 1927 г., и, наконец, в 1929 г.³⁸ В отличие от предшествовавших съездов биологов, носивших сугубо научный характер, в гигантском съезде генетиков, в котором по разным оценкам, данных его организаторами, присутствовало от 1000 до 2100 человек (судя по опубликованному списку участников, ближе к истине первая цифра), только Оргкомитет насчитывал 74 человека³⁹. На съезде было заслушано 20 пленарных и 264 секционных докладов, представлявших всю панораму советских исследований в генетике, изучении культурных растений, селекции, семеноводстве и сортоизучении, племенном животноводстве. С пленарными докладами выступили ведущие генетики, эволюционисты и селекционеры страны М.М. Завадовский, Н.К. Кольцов, Л.С. Берг, Г.А. Левитский, Г.К. Мейстер, А.Е. Писарев, А.А. Сапегин, А.С. Серебровский, Ю.А. Филипченко, С.С. Четверикова и др. В съезде ученых участвовали молодые исследователи, некоторые из них впоследствии стали лидерами отечественной биологии и активными борцами с

³⁶СПФ АРАН. Ф. 238. Д. 20. Л. 14; Д. 96. Л. 12—13.

³⁷ЦГФНТБ СПб. Ф. 318. Д. 238. Л. 3.

³⁸Там же. Л. 3—4, 11—12.

³⁹Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде 10—16 января 1929 г. Т. I. Состав, работа и постановления Съезда. — Л.: Издание редакционной коллегии съезда. 1930. — С. 5, 16—78.

лысенкоизмом (Б.Л. Астауров, П.А. Баранов, С.М. Гершензон, Н.П. Дубинин, и др.). На нем присутствовали и многие будущие их оппоненты, включая Трофима Дионисовича⁴⁰ (так он поименован в списке участников) Лысенко.

Съезду был придан характер важного политического события, широко освещавшегося в центральной («Правда», «Известия ЦИК СССР», «Красная звезда», «Вечерняя Москва») и местной («Ленинградская правда», «Смена») прессе. Характерны и заголовки статей, посвященных съезду. «Обновить советскую землю» призывал автор статьи в газете «Смена» от 11 января 1929 г., а «Красная звезда», от 14 января 1929 г. охарактеризовало происходящее ставшим позже клише «Битвой за урожай». Наиболее подробно съезд освещала «Ленинградская правда», публикуя его материалы в шести номерах, снабжая каждый раз его броскими тройными заголовками. В день открытия 10 января 1929 г. под заголовком **«На помощь полям идет советская наука. Поднимем урожай. Привет Всесоюзному съезду по генетике, селекции и семеноводству»**⁴¹ (с. 5) была помещена информация председателя Организационного комитета съезда и его бюро Н.И. Вавилова. Он говорил о том, что требование правительства поднять урожайность в ближайшую пятилетку предполагает **«поднятие производительности Земли на широком массовом введении улучшенных семян новых сортовых хлебных злаков»**, так как только сортовое семеноводство является доступным населению и не требует значительных затрат. Одновременно Вавилов подчеркивал необходимость прочных теоретических основ для успехов селекции, ратуя за **«увязку научной работы с практическими заданиями»** и пропагандируя успехи генетики в изучении формообразования. По его мнению, **«советская наука занимает передовые позиции на этом фронте биологии и агрономической науки. Массовое введение в жизнь улучшенных сортов за последние годы стало крупнейшим государственным мероприятием в деле поднятия сельского хозяйства»**. В числе отечественных учреждений, которые **«идут впереди научных организаций всего мира»**, Вавилов называл Институт экспериментальной биологии, Лабораторию генетики, Институт генетики и селекции на Украине, Институты по селекции хлопчатника и др.

В том же номере была помещена под заголовком **«Смотр научных сил»** статья Н.П. Горбунова, давшего общую характеристику предстоящего съезда и его задач. Управляющий делами Совнаркома подчеркнул: **«Съезд будет иметь не только научное, но и широкое общественное значение. Он является смотром наших научных сил и подрастающей научной молодежи. Съезд должен выявить, насколько наши научные силы готовы к той большой работе, которая перед нами поставлена ЦИК СССР и насколько крепка связь между научной работой наших ученых и требованиями практики»**. Горбунов писал об огромных заслугах Вавилова в организации съезда, следующего лозунгу В.И. Ленина **«Обновлять советскую землю»**.

На следующий день под заголовком **«Широким потоком хлынут знания на поля нашей страны. 2 000 ученых спешат на помощь сельскому хозяйству»** была помещена информация о первом дне съезда.⁴² Открывая съезд, Н.И. Вавилов вновь подчеркнул невиданные темпы институционализации сельскохозяйственной науки в СССР, достигшей колоссальные успехи и в соответствии с уже сложившимися традициями предложил избрать почетный президиум съезда. В него вошли крупные государственные деятели СССР: К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Н.А. Кубяк, Г.К. Орджоникидзе, Г.И. Петровский, А.И. Рыков, А.П. Смирнов, И.В. Сталин, Я.А. Яковлев и др. Помимо них в список гостей было включено 109 выдающихся ученых, а также руководителей советских и партийных органов. На съезде были оглашены приветствия от ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР и приняты ответные обращения в

⁴⁰Там же. — С. 49.

⁴¹Ленинградская правда. — 1929. — 10 янв. № 8. — С. 5.

⁴²Ленинградская правда. — 1929. — 11 янв. № 9. — С. 3.

адрес правительства и ЦК коммунистической партии как «руководителей строительства хозяйственной жизни на основе социализма». В них была выражена *«твердая уверенность, что его дружная коллективная работа послужит дальнейшей основой дальнейшего прогресса сельскохозяйственной науки и практики на дело строительства социализма в нашем Союзе»*⁴³. Была послана также приветственная телеграмма съезда И.В. Мичурину «как творцу форм, полезных для человека». По постановлению съезда обе телеграммы были подписаны Н.И. Вавиловым, ставшим председателем съезда, а его почетным председателем был избран заслуженный цитолог и эмбриолог растений С.Г. Навашин, директор Тимирязевского научно-исследовательского института, созданного в 1924 г. для изучения и пропаганды естественнонаучных основ диалектического материализма. Товарищами председателя были избраны Г.А. Левитский и Ю.А. Филипченко, а секретарем Г.Д. Карпеченко.

В президиуме съезда находились секретарь Северо-Западного бюро ЦК и Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) С.М. Киров, председатель Ленинградского Совета и Ленинградского губисполкома Н.П. Комаров, президент АН СССР А.П. Карпинский, секретарь Ленинградского обкома ВКПБ и председатель Президиума ЛОКА Б.Н. Позерн, и другие ученые, государственные и общественные деятели. На съезде были заслушаны также приветствия от Леноблисполкома и Ленсовета (Н.И. Иванов), от ВЦСПС (Н.М. Анцелович), Ленинградского бюро Секции научных работников (В.А. Зеленко), Украинской АН (А.В. Фокин), зачитаны телеграммы от многих правительственных и общественных организаций, включая пионерскую, и детских технических сельскохозяйственных станций, *«организующих участие десятков тысяч пионеров в борьбе за новые культуры растений, за улучшение птицеводства и животноводства»*, которые *«ждали от съезда боевых решений и для детских масс»*⁴⁴.

С красочной приветственной речью выступил С.М. Киров. Призывая поднять к концу пятилетки урожайность на 30—35%, он подчеркнул, что материальные и финансовые средства, выделенные на подъем сельского хозяйства *«сделают свое средство только, когда они будут оплодотворены наукой»*. Политической риторикой было и его пафосное заявление: *«Широким потоком отсюда со съезда хлынут на поля те знания, те научные достижения, которые так нужны деревне. Они распространятся в толще крестьянства... Каждый труженик, каждый научный работник должен сделать все, чтобы помочь разрешению тех великих задач, которые поставила перед нами история»*. Овацией встретили учение заключительные слова Кирова о том, что *«съезд является блестящим подтверждением того, как на данном этапе социалистического строительства укрепился союз труда и науки»*. От имени ВИПбиНК выступил управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов, руководившей на съезде фракцией коммунистов и следивший за соблюдением всех ритуалов нового стиля научных мероприятий. Он рассказал, как много сделал лично Вавилов для реализации ленинской мечты «об обновлении земли» и заверил: *«Наука оказалась на высоте»*. Под рубрикой *«Научные достижения в гущу крестьянства»* газета в тот день сообщила о пленарных докладах Н.И. Вавилова и Ю.А. Филипченко. В приветственных выступлениях и в газетной информации особо подчеркивалась внимание ученых всего мира к проходящему съезду.

Газеты подчеркивали, что на съезд приехали самые крупные зарубежные генетики Р. Гольдшмидт, Г. Федерли, О. Валле и др., Среди них был и немецкий генетик растений, основатель и редактор первого в мире генетического журнала «*Zeitschrift für inductive Abstammungs-und Verebnungslehre*» Э. Баур, который одним из первых в мире стал добиваться создания опытных селекционных станций в разных частях Германии и ее колоний. Баур был

⁴³Труды..... — Т. I. — С. 129.

⁴⁴Там же. — С. 129.

также известен один из соавторов самой популярной в то время в мире «научной» книги «Очерки по учению о наследственности человека и расовой гигиены», написанный вместе с антропологом О. Фишером и врачом Ф. Ленцем и оказавшей большое влияние на формирование расовых идей А. Гитлера⁴⁵ (Kröner et al. 1994, S. 57—70). Впоследствии и самому Вавилову, и другим советским генетикам не раз ставили в вину сотрудничество с фашиствующими евгениками. Но ни сам Вавилов, ни его соратники никогда не занимались евгеникой.

Заголовки с информацией о последующих днях съезда напоминали победные репортажи с полей сражения. 12 января «Ленинградская правда» (№ 10, с. 5) рассказы о докладах А.А. Сапегина и Г.К. Мейстера о результатах скрещивания пшеницы и ржи, позволяющих продвинуть границы сеяния пшеницы далеко на Север, поместила в разделе, снабженном заголовком **«Победа советской науки. Создан новый злак. С опытных полей — в крестьянские поля»**. Здесь же под рубрикой **«В авангарде мировой науки»** сообщалось о дискуссии по докладу А.А. Сапегина, между Н.И. Вавиловым и Ю.А. Филипченко. Последний возражал против скороспелых выводов о перспективах межвидового скрещивания, тогда как Вавилов уверял, что опыты Сапегина и Мейстера **«имеют исключительное значение»** и что Украинский институт селекции и Саратовская опытная станция **«идут впереди научных организаций всего мира»**. О перспективах селекции злаковых на основе межродовой гибридизации и полиплоидии говорил заместитель Вавилова в ВИПБиНК В.Е. Писарев.

На следующий день «Ленинградская правда» (№ 11, с. 3) вышла с заголовком **«На обновленной земле. Сортовые семена — крестьянству. Советская наука поднимет урожайность наших полей»**. Здесь создатель государственной системы сортоиспытания и выдающийся селекционер В.В. Таланов сообщил, что только внедрение лучших сортов, прошедших стандартизацию и районирование под контролем, позволит увеличить урожайность за счет внедрения лучших сортов на 25—40%. Сообщалось также о докладах В.Г. Батыренко, П.П. Лисицына, Б.А. Паншина, Г.М. Попова.

О сенсационном успехе в области животноводства сообщила «Ленинградская правда» 15 января (№12, с. 2) в рубрике **«Советская наука — на крестьянские поля. Успех животноводства. Холмогорская корова бьет мировые рекорды»**, в которой излагалось содержание докладов М.М. Завадовского и Н.А. Юрасова о перспективах генетики в области животноводства. По мнению А.М. Диомидова, для успехов в животноводстве надо улучшать условия содержания и пород. Он уверял, что **«наши холмогорские коровы»** лучшие в мире и могут давать 10 000 литров молока в год.

В выступлениях и самого Вавилова, и других участников съезда генетике был придан образ науки, уже творящей чудеса, выводящей в кратчайшие сроки новые породы животных и сорта растений. Об этом особенно много говорилось в «Ленинградской правде» за 16 января (№ 13, с. 3). Под рубрикой **«Успех советской науки. Германские ученые используют наш опыт. Можно превратить озимый злак в яровой»** была помещена информация Г.А. Левитского, Л.С. Берга и Э. Баура. Понимая, что от него желают услышать организаторы съезда, Баур сказал, что немецкие генетики завидуют советским ученым, которые пользуются огромной поддержкой государства. Уподобляя генетика создателю, Вавилов говорил о том, что генетик должен действовать как инженер, создавая новые виды организмов. Комментируя опыт Г.Д. Карпеченко, Вавилов подчеркнул, что генетик, как и инженер должен **«не только знать строительный материал, но и строить. Быть инженером в своей области такова задача генетиков»**, — провозгласил Вавилов.

В центре обсуждения оказался доклад Н.А. Максимова о многолетних опытах по превращению озимых злаков в яровые. Правда, докладчик был более осторожен в выводах,

⁴⁵Erwin Baur: Naturwissenschaft und Politik / Hsg. H.-P. Kröner., R. Toellner, K. Weisemann. — München: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 1994. IV, 162 S.

чем журналисты. Рассказывая о работах зарубежных и отечественных исследователей (Х. Аллард, Г. Гасснер, В. Гарнер, Е.А. Грачев, Г. Кребс, Э. Клаус, Х. Крейбиль, А.Д. Муринов, Д. Найтингель, Н.П. Тихонов) и собственных многолетних опытах, проведенных совместно с И.Н. Бородиной, А.В. Дорошенко, М.А. Кроткиной, В.И. Разумовым, по регулированию длины вегетационного периода овса, ржи, пшеницы, ячменя, проса, сои, гороха и др., Максимов допускал возможность преобразовать каждый озимый злак в яровой, но подчеркивал, что это происходит только в лабораторных условиях и путем вмешательства в вегетацию растений⁴⁶. На съезде присутствовал Т.Д. Лысенко, совместный доклад которого с Д.А. Долгушиным⁴⁷ не привлек внимания ни ученых, ни прессы. Но они смогли увидеть, как эксплуатировать веру властей в быстродействующие средства для подъема сельского хозяйства, и учились у генетиков собирать «урожай» с вспаханного ими поля «союза науки и труда».

Участники съезда выработали важные для развития сельского хозяйства постановления: «Докладная записка Правительству Союза ССР о нуждах с.-х. опытного дела», «О включении в программу ВУЗ'ов специального курса генетики и селекции», «О районировании и стандартизации сортов», «О принципах организации Семеноводства и Государственного Семенного Контроля», «О селекции сельскохозяйственных животных», «О пушном звероводстве в СССР»⁴⁸. Был дан список районированных и допускаемых к возделыванию сортов пшеницы (47), овсов (17), ячменя (14), сортов кукурузы (12) (там же, с. 139–140). Итоги съезда Вавилов подвел в статье «Семь дней съезда» в «Ленинградской правде» за 17 января. Его главную заслугу он видел в том, что съезд подчеркнул значение генетики и показал, что *«отечественная генетика не только идёт в ногу с мировой наукой, но и в некотором отношении опережает ее»*.

Съезд показал, что Н.И. Вавилов признанный лидер сельскохозяйственной науки и генетики. Вскоре он стал первым президентом ВАСХНИЛ, а с 1930 г. возглавил созданную Ю.А. Филипченко Лабораторию генетики АН СССР (ЛАГ), которую в 1934 г. реорганизовал в академический институт. В 1929 г. его назначили членом коллегии Наркомзема, а в 1930 г. — избрали в состав Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. Но организованный им съезд был апофеозом и завершением «союза науки и труда». Он собирался, по словам Вавилова, в *«момент государственного напряженного внимания к проблемам селекции и семеноводства»*. Чем грозит «напряженное внимание» власти к науке, показали выборы в АН СССР, когда Вавилов стал ее действительным членом. Именно в дни съезда в «Ленинградской правде» (13 января, с. 2), на соседней странице с материалами съезда было напечатано письмо «От Президиума АН СССР», в котором сообщалось о «неувязочке» при выборе академиками трех ученых-партийцев и предлагалось провести повторную баллотировку проваленных кандидатов.

В эти же дни Вавилов столкнулся с первыми попытками парторганизации контролировать его действия. Бюро коллектива ВКП(б) ГИОА и ВИПБиНК хотело *«привлечь марксистские силы к докладам на съезде»*⁴⁹, но поскольку его мнение не было учтено, решило *«донести до сведения вышестоящих парторганизаций, что партчасть выбрана в организационную комиссию съезда без участия бюро»*. С момента учреждения партийной ячейки ВИПБиНК в середине 1929 г. стала проявляться враждебность некоторых ее членов к Вави-

⁴⁶Максимов Н.А. Физиологические способы регулирования длины вегетационного периода // Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, в Ленинграде 10—16 января 1929 г. Т. III. Изучение культурных растений. -Л. — 1929.- С. 3–20.

⁴⁷Долгушин Д.А., Лысенко Т.Д. К вопросу о сущности озими // Там же. — 189—199.

⁴⁸Труды..., 1930. С. 135–146)

⁴⁹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

лову. Уже на одном из первых собраний, где с установочным докладом выступил секретарь бюро партийной ячейки, ассистент отдела полевых культур Н.Г. Касаткин, многие критически оценили состояние Института⁵⁰. Н. Гейликман, Т.Г. Нестерович, С.М. Прокошев, А.П. Тимофеева и др. говорили о враждебных и упаднических настроениях в коллективе, о неправильном подборе кадров без учета их социального происхождения и партийности, о сопротивлении специалистов института задачам строительства социализма, о зажиме агрономического направления и излишней теоретизированности исследований. С подобными песимистическими оценками не согласился сотрудник отдела сортоиспытания П.И. Чумак. Специалист по овсам М.Ф. Петропавловский отверг главные замечания в адрес Института: «...Я не согласен, что Ин[ститу]т оторван от жизни, это можно сказать только о части сотрудников, но не о целом коллективе... сотрудники сильно перегружены, жизнь идет таким темпом, что мы не успеваем в своем развитии за жизнью»⁵¹. В заключительном слове Н.Г. Касаткин, признав необходимость повышения «ответственности, дисциплинированности производственного персонала», заявил, что он также согласен с высказываниями, что «Ин[ститу]т абсолютно оторван от жизни»⁵². Так, наметилось противостояние сил в партбюро. В дальнейшем активность критиков, как правило, обострялась во время зарубежных поездок Вавилова и стихала с появлением его в ВИПБиНК/ВИР'е.

Главные причины нападок на Вавилова со стороны членов партии в ВИПБиНК не были связаны только с положением в Институте. Успехам советских генетиков и селекционеров, «завидовали не только немецкие ученые», но и часть растениеводов, агрономов, семеноводов, считавших, что Институт выбрал неверный путь развития с сильным уклоном на работу с коллекциями. Успехи генетики болезненно воспринимали многие сторонники наследования благоприобретенных признаков, вытесненные из Комакадемии в 1927 г. Некоторых просто раздражали успехи лидера генетиков, его зарубежные поездки, международное признание, поддержка со стороны правительства. Чтобы эти обычные для творческого сообщества факторы переросли в затяжную борьбу, должна была сложиться уникальная совокупность идеологических и политико-экономических факторов.

Весной 1929 г. началась «культурная революция», борьба со старорежимной профессурой, диалектизация биологии марксистами-генетиками. Отстраненность Вавилова от попыток создать «пролетарскую биологию» и приверженность эволюционным концепциям ранних генетиков давали простор для обвинений его в идеологических ошибках, в защите «буржуазных специалистов», в «зажиме молодежи». Еще опаснее оказалась форсированная коллективизация, резкий спад сельскохозяйственного производства, голод и поиск «козлов отпущения» в виде лидеров «правого уклона» в партии, фабрикация дел против интеллигенции и т. д.

Арестованные Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Литошенко, А.В. Чайнов были многолетними друзьями и коллегами Н.И. Вавилова, он ходатайствовал об их освобождении, что вряд ли нравилось тем, кто был инициатором их преследований. Отстранение от власти А.И. Рыкова и Н.П. Горбунова лишило Вавилова правительственной поддержки тех, с кем задумывались крупномасштабные проекты развития сельскохозяйственной науки в СССР. С арестом заместителя наркома земледелия СССР А.Г. Берзина был потерян еще один канал взаимодействия с властными структурами. Для любого другого человека даже одного из этих факторов было бы достаточно, чтобы прервать успешную карьеру. Но на стороне Вавилова было мировое признание, большое число сторонников в ГИОА и ВИР, высокий авторитет в международном сообществе и, наконец, лояльность Ленинградского обкома ВКП(б). Тем не ме-

⁵⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁵¹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об.

⁵²ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 2

нее «год великого перелома» стал для Вавилова зенитом его научно-организационной карьеры и началом критики его парторганизацией собственного Института.

Хотя съезд принял решения о созыве очередного съезда в Одессе в 1932 г. Но последнее не удалось выполнить, так как ситуация с наукой в стране резко менялась в течение нескольких месяцев, как и отношение правящих кругов к самой генетике. Это не могло не сказаться на позициях самого Вавилова и других советских генетиков, труды которых завоевали мировое признание. Уже в том же году был отправлен в ссылку С.С. Четвериков и отстранен от преподавания в ЛГУ Ю.А. Филипченко.

Изживание «фетишизма перед буржуазными учёными»

Начало «культурной революции», призванной сломать существовавшую иерархию в научном сообществе и мобилизовать ученых на строительство социализма⁵³, стало первым событием «года великого перелома», поколебавшего позиции Н.И. Вавилова в ВИПБиНК. В апреле 1929 г. руководитель Комакадемии М.Н. Покровский заявил о прекращении мирного сосуществования с немарксистами-естественниками и изживании «*фетишизма перед буржуазными учёными*»⁵⁴. Официальную поддержку получила идея А.М. Деборина о перестройке естествознания на основе материалистической диалектики, что давало возможность запрещать любую научную концепцию как несовместимую с марксизмом⁵⁵. Позиция Деборина была поддержана многими генетиками и, прежде всего И.И. Аголом который призывал «очистить Комакадемию от чуждых марксистской идеологии элементов», «покончить с разбродом, царящим в её стенах» и превратить «современное естествознание в марксистское»⁵⁶. По его мнению, и генетика, и базирующаяся на ней эволюционная теория «*есть стихийная материалистическая диалектика*». Вскоре Агола назначили директором Тимирязевского биологического института Комакадемии, а его единомышленника С.Г. Левита — директором Медико-генетического института⁵⁷. В Президиуме ОБМ, председателем которого был Агол, доминировали генетики и их сторонники (М.С. Левин, С.Г. Левит, С.М. Гершензон, М.С. Навашин, А.С. Серебровский и др.). Сторонником генетики и ярким деборинцем в те годы был и И.И. Презент в Ленинграде.

«Культурная революция» ускорила после пленума ЦК ВКП(б), прошедшего в ноябре 1929 г. и решившего реорганизовать вузы и научные учреждения, укрепить их кадры членами партии и комсомола, выходцами из рабочего класса, планировать и контролировать научные исследования, взять в свои руки подготовку кадров в области естествознания. В письме, направленном в Президиум Комакадемии в декабре 1929 г., А.К. Тимирязев отмечал, что аспиранты готовятся по узкой тематике, прежние профессора ничего не могут дать, кроме знаний в своей области⁵⁸. В речи «К вопросам аграрной политики» в Комакадемии, которая положила начало дискредитации признанных авторитетов в отдельных отраслях науки, И.В. Сталин указывал на отставание «теоретического фронта» от «успехов социалистического строительства» и убеждал, что практика опровергает возражения науки и ученым следует поучиться у практиков⁵⁹. Он осветил главный лозунг «культурной революции» в науке: теоре-

⁵³Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 // Ed. Sh.. Fitzpatrick. — Bloomington, Indiana Univ. Press, — 1984.

⁵⁴Торбек К. Деятельность Коммунистической Академии // Вест. Комакадемии. — 1929. — № 33. — С. 270.

⁵⁵Современные проблемы философии марксизма. Доклад А. М. Деборина, прения по докладу и заключительное слово. — М.: Комакадемия. 1930. — С. 21, 107, 197–198 и др.

⁵⁶Задачи марксистов в области естествознания. Доклад О.Ю. Шмидта. Прения по докладу и заключительное слово. — М. — Комакадемия, 1930. — С. 27, 105.

⁵⁷АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 311. Л. 164.

⁵⁸АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 285. Л. 1—3.

тическая наука есть пустое самоутверждение и скорее вредна, чем полезна для социалистического строительства.

Попытка взять под партийный контроль подготовку кадров имела прямое отношение к ВИПБиНК, где в 1929 г. появилось 19 аспирантов, из которых 13 человек (72, 2%) были членами партии и комсомольцами. По социальному положению доминировали выходцы из рабочих — 3 (15, 78%) и из крестьян 10 человек (52, 63%)⁶⁰. Почти все члены партии имели солидный стаж, опыт ответственной работы и пришли не столько учиться, сколько учить других. Сама система обучения была нацелена на идеологическую подготовку, а не на овладение специальностью, что создавало им возможность чувствовать себя выше учителей. В отчетном докладе партийной ячейки ВИПБиНК за 1928–1929 гг. подчеркивалось: «Введенный институт аспирантов с первого же года внес живую струю в научный персонал и полностью себя оправдал»⁶¹. Насчет оживления — это уж точно, а насчет полного оправдания можно и поспорить. В большинстве своем аспиранты, действительно, приняли нормы научной работы и поведения в Институте и стали со временем прекрасными специалистами вавиловской школы (например, Ф.Х. Бахтеев), в то время как другие (А.В. Альбенский, Н.А. Басова, Н. Гейликман, А.И. Лусс, Т.Г. Нестерович, Г.Н. Шлыков) подключились к внутриинститутским критикам Вавилова, подводя под существовавшие разногласия по поводу того, чем должен заниматься Институт, идеолого-политическую основу. Стремясь втянуть не согласных с ними аспирантов в борьбу с Вавиловым, критики Вавилова обвиняли несогласных с ними в аполитичности и деляческом отношении к работе (Альбенский)⁶². В результате жизнь научного коллектива, партийной ячейки и партбюро превратилось в серию беспрерывных заседаний, принятия резолюций, разоблачений и обращений в «соответствующие органы», а также разбора каких-то склок и постоянных перевыборов партийцев, «не оправдавших доверие» и «пошедших на поводу у дирекции». За полтора года партбюро и его секретари переизбирались 5–6 раз.

Аспиранты, прикрепленные к ВИПБиНК, первые два года подчинялись Ленинградскому институту аспирантуры ВАСХНИЛ, который возглавлял бывший матрос Г.И. Быков, о котором Е.Н. Синская (1991) писала как о человеке «с зычным голосом, необычайно склонным к грозным митинговым выступлениям»⁶³. Он активно участвовал в партийных собраниях, где обсуждали положение в Институте и результаты проверки ВИР бригадами Ленинградского обкома и Октябрьского райкома, ГубКК — РКИ, ЛОКА и т. д. Г.И. Быков ничего не понимал в обсуждаемых проблемах, но знал, когда признавать инкриминируемые ошибки, а когда категорически отвергать, когда критиковать Вавилова, а когда его увещать, а порой и даже защищать. Он вряд ли вынашивал какие-то планы по свержению Вавилова, искренне радел за Институт аспирантуры и был искренне убежден в чистоте и праведности своих помыслов. Только когда Институт аспирантов закрыли, Г.И. Быков стал уверять, что «авторитет Вавилова слишком преувеличен»⁶⁴.

Иначе обстояло дело с амбициозными аспирантами, среди которых выделялись А.В. Альбенский, Н. Гейликман и особенно Г.Н. Шлыков, известный позднее как активный сторонник Т.Д. Лысенко в ВИР'е. Вскоре после зачисления в аспирантуру и прикрепления к отделу интродукции он воспринял позицию А.К. Коля и с «партийной прямоотой» стал крити-

⁵⁹Сталин И.В. К вопросам аграрной политики. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И.В. Соч. — Т. 12. — 1955. — С. 141–172.

⁶⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

⁶¹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

⁶²ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

⁶³Синская.... — С. 148.

⁶⁴ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 115

ковать Вавилова за недостатки в организации исследований, неправильную их тематику, отсутствие практически значимых работ. Судя по спискам членов парторганизации, все образование Шлыкова ограничивалось сельской школой и было получено еще до революции. Но он явно был политически подкован, внимательно следил за передовицами центральных газет и быстро улавливал колебания в генеральной линии. В отличие от Альбенского Шлыков быстро вошел в Бюро партийной ячейки и позиционировал везде свое мнение как взгляд парторганизации в целом. В апреле 1931 г. он, видимо, хотел уйти из ВИР в аспирантуру ЛОКА. Ему помешала в этом его единомышленница Н.А. Басова, написавшая в партбюро заявление, что считает «ненормальным “вечное” аспирантство», и предложившая ему «заниматься самообразованием»⁶⁵. Шлыков остался в ВИР и, став заведующим Отдела новых культур и интродукций, в том же году выжил оттуда своего предшественника А.К. Коля, чьи идеи до этого отстаивал. Сохранился интересный документ. Члены Бюро партийной ячейки ВИР, рассмотрев 6 мая 1931 г. «устное заявление тов. ШЛЫКОВА о невозможности работать с тов. Коля»⁶⁶, приняли решение: «Тов. ШЛЫКОВУ продолжить работу в Отделе Интродукции, проводя работу с таким расчетом, чтобы в ближайший месяц т. Коля перевести в специализированный Институт (Корм. или Зерн.)». Вскоре Коля был арестован, а после освобождения отправлен на пенсию. Получив искомую должность, Шлыков на время затих, но через несколько лет возобновил борьбу с Вавиловым, пропагандируя уже теорию яровизации Т.Д. Лысенко. В годы «Большого террора» он был арестован, но вскоре выпущен, в 1942 г. был директором Всесоюзного института сухих субтропиков, два года — сотрудником Министерства сельского хозяйства СССР, а затем вернулся в ВИР.

Однако идейным вдохновителем и организатором атаки на Вавилова в те годы был не Шлыков, как принято считать, а А.В. Альбенский. Ученик Ярославской духовной семинарии, он прошел традиционный путь советского активиста: учитель, секретарь волостного комитета бедноты, доброволец в войсках ВЧК, инструктор в политотделе Красной Армии, комиссар Пермского университета, секретарь городского и районного комитетов РКП(б), член исполкома Пермского округа и бюро Окружного профсоюза. В 1930 г. Альбенский окончил Пермский университет, будучи уже в аспирантуре ВИР'а, которую завершил в 1931 г. Альбенский был дендрологом, но в каждом выступлении щеголял именами классиков философии и подводил идейно-политическую основу под любую научную теорию. В его речах карьерные устремления прикрывались рассуждениями о философско-методологической, политико-идеологической и социально-экономической вредности всех научных теорий и взглядов, кроме разделяемых им и воспринятых от сотрудников Арцыбашева. Именно Альбенский травил специалистов ВИР, добивался их замены партийцами. Став в мае 1931 г. секретарем парторганизации ВИР, а на следующий год заведующим Отделом селекции и акклиматизации Всесоюзного института агролесомелиорации (ВНИАЛМИ), Альбенский на некоторое время из критика администрации превратился в ее партнера и уверял, что Вавилов пересматривает прежние концепции и приближается к дарвиновскому и диалектико-материалистическому пониманию эволюции. Впоследствии он играл видную роль в дендрологии, лесоведении и агролесомелиорации, называя прежние атаки на Вавилова «грешками» молодости.

Опираясь на богатый опыт партийно-советской карьеры и связи, далеко не юные аспиранты-партийцы порой искренне верили в свое историческое предназначение возглавить научные исследования. Недостатки профессиональной подготовки они компенсировали социальной демагогией, требовали «чистки» кадров, предоставления им руководящих должностей на места, ранее занимаемые специалистами, до своего увольнения проводившими теоретические исследования, не имевшие, по их мнению, практического выхода. Не получая под-

⁶⁵ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 32.

⁶⁶ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 27.

держки администрации, они сигнализировали в «соответствующие органы», инициируя проверки и разбирательства с привлечением властных структур. Вечный конфликт «поколений в науке» в условиях «культурной революции» приобрел политико-идеологическое, а затем и криминальное звучание. И это в значительной степени способствовало пристальному вниманию НК РКИ к возглавляемым Вавиловым учреждениям. В начале 1930 г. комиссия РКИ отметила, что существует разрыв между ведущимися исследованиями и практическим использованием их результатов, нет связи исследований с жизнью, к научным исследованиям слабо привлекается молодежь.

Газетная артподготовка: «Институт благородных ботаников»

Об этом было сообщено 21 февраля 1930 г. в газете «Правда» в «Листке РКИ» (№ 51, с. 4) в статье В. Балашова «Институт благородных ботаников». Там говорилось, что еще годом ранее в том же «Листке РКИ» увидела свет статья «Ученые в облаках» с критикой ГОИА и ВИПБиНК за отрыв исследований от задач реконструкции сельского хозяйства. Но с тех пор ничего не изменилось. Лучшие семена по-прежнему идут в кулацкие хозяйства, в институте процветает семейственность, штат укомплектован выходцами из дворян, почетных граждан, купцов, фабрикантов, священнослужителей, а также «старушками из бывших». Директор *«большую часть времени проводит вне Института и организационно Институтом почти не руководит. Его заместитель, член партии Мартынов⁶⁷, „домашний коммунист“, упрямо не хотел замечать творящихся вокруг него безобразий. На них указывали и партийный коллектив и отдельные коммунисты, но Мартынов величественно заявляет: „Я не обязан давать отчет о своих действиях никому, кроме ЦК партии и Наркомзема“. Небольшая кучка коммунистов находится в загоне. С их мнением никто не хочет считаться»*. Приведенный абзац точно отражает суть конфликта: часть партийного коллектива жаждала власти. И напрасно Вавилов добивался публикации опровержения (см. подробнее: Есаков, 2007, с. 166–170), видимо, не зная еще, что «Правда» никаких опровержений вообще не печатает, а, кроме того, никого уже не интересовало, кто прав.

После этой публикации Альбенский и его сторонники начали массированную атаку на руководство Института, отмечая 14 апреля 1930 г. на общем партийном собрании ВИПБиНК недостатки в управлении и стратегии исследований, невыполнение решений партбюро, пассивность части коммунистов в критике руководителей отделов. О практической бесполезности занятий черникой, проводимых Е.Н. Синской, и о необходимости *«иметь силы, которые можно выдвигать»*, говорил А.В. Альбенский⁶⁸. В унисон с ним звучали сетования И.В. Ободе, что специалисты *«больше внимания уделяют чисто научным, а не практическим вопросам... Мировые коллекции отнимают много времени, сил и средств, но в итоге все это лежит мертвым грузом без практического применения. Такой уклон надо проверить»*⁶⁹. Однако принятая резолюция состояла из общих фраз: *«рекомендовать трехугольнику проработать вопрос о структуре, методах и направлениях работы Ин[ститу]та в целом»*, лучше учитывать *«требования, предъявляемые Институту и отделам жизнью»*, *«лучше работать по кадрам»*, *«иметь список лиц кандидатов на выдвижение в лаборанты и младшие ассистенты»*⁷⁰.

Арест 21 июля 1930 г. А.В. Чаянова инициировал кампанию по обличению всей сельскохозяйственной науки и поиску «врагов социалистической реконструкции сельского хо-

⁶⁷Мартынов М.Д. был помощником директора по административно-финансовой части ВИПБиНК.

⁶⁸ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

⁶⁹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

⁷⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 15–15об.

зяйства» в самом ВИР'е. Принятая 11 августа 1930 г. резолюция по докладу Г.И. Быкова, посвященному решению XVI съезда ВКП(б) о сельском хозяйстве, выражала позицию А.В. Альбенского, Г.И. Быкова и Г.Н. Шлыкова и говорила о «перестройке всей научно-исследовательской работы в нашем Институте»⁷¹.

Конфликт в ВИР'е на новый уровень вывели публикации в «Комсомольской правде» (4 окт. 1930 г.) и «Ленинградской правде» (7 дек. 1930 г.) с критикой ВАСХНИЛ, вовлекшие в конфликт Октябрьский райком и Ленинградский обком ВКП(б). В ВИР появились различные обследовательские бригады уже из партийных органов, только что созданного ЛОКА и др. Статье в «Комсомольской правде» был посвящен закрытый пленум ВКП(б) и ВЛКСМ при ВАСХНИЛ, состоявшийся 8 октября. Открывая прения, автор статьи, секретарь парторганизации Н. Гейликман сказал, что Институты ВАСХНИЛ не имеют ни планов, ни практических результатов: *«люди не знают, что делать»*; никто не может дать конкретных рекомендаций, *«где, что и как сеять»*, *«у комсомольцев и партийцев нет чутья»* на вредительство, оно *«не желают следить за работой Институтов»*⁷². Многие выступавшие в прениях (Н.В. Ковалев, Г.И. Быков, Норкина, Бакланов, Брундуковский, Лебедев, Соболев, А.П. Тимофеева) причину сложившегося положения видели в том, что аппарат Президиума бездействует, его руководство постоянно находится за границей (Н.И. Вавилов и А.И. Гайстер) или в Саратове (Н.М. Тулайков) и т. д. В выступлениях часто звучала мысль, что *«ученые специалисты почти все из дворян»*, занимаются саботажем, а администрация их покрывает, а значит *«нужна чистка»*⁷³. Часть вины перекладывали на партийные и контрольные органы. Так, А.И. Лусс отмечал, что по сигналам из ВИР работала комиссия ЦК ВКП(б) и обещала дать «красных профессоров», но их до сих пор нет, как нет и оргвыводов⁷⁴. Кудрашов напомнил, что мы давно говорим *«о контрреволюционном ядре Академии»*, *«была комиссия обл. РКИ и райкома ВКП(б), но дело как-то замяли. Легкая кавалерия шевельнет; и мы заговорили опять, но делаем мало»*⁷⁵. Некоторые выступавшие просили прислать новые комиссии и бригады. Подобные упреки отверг представитель областного РКИ Вульф: *«Выдвинутое тов. Тимофеевой предложение о политических комиссарах неверно. Каждый комсомолец, каждый партиец есть политический комиссар и работник ГПУ (выделено мной — Э. К.)»*⁷⁶. В заключительном слове Н. Гейликман отметил, что цель публикации — *«привлечь внимание общественности к безобразнейшему положению в Академии. Президиум Академии не справляется с руководством, точно так же и парторганизация Ленинградских Институтов»*. Он охарактеризовал ее действие как *«самую настоящую правооппортунистическую практику»*⁷⁷. Подводя итоги, Дегтярев заверил, что *«собрание можно считать первым итогом борьбы за ленинскую академию»*, пообещал *«подходить к специалисту с политической точки зрения»* и согласился: *«Ин[ститу]т Растениеводства занимается не делом»*⁷⁸.

Бригада в составе А.В. Альбенского, П.В. Жукова и Н.И. Иванова, обследуя 24 октября 1930 г. работу за полгода бюро партийной ячейки ВКП(б) ВИР, указала на отсутствие: *«ударных тем»*; *«единоначалия, начиная с Президиума и кончая лицами, возглавляющими отделы»*, *«ответственных лиц за работу»*; *«списка выдвиженцев по Институту»*; *«упадок дисциплины буквально по всему институту»*⁷⁹. Они требовали, чтобы научные должности за-

⁷¹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 21.

⁷²ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

⁷³ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 36–37.

⁷⁴ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.

⁷⁵ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.

⁷⁶ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.

⁷⁷ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 40.

⁷⁸ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 40.

⁷⁹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.

полнялись коммунистами, и отмечали *«сопротивление значительной части научных работников переключению их исследований на ударные темы по выполнению актуальных задач»*. Для исправления положения в научных кадрах, где 54 % составляли бывшие дворяне и служащие и только два человека были из рабочих⁸⁰, Г.Н. Шлыков предложил *«на должности зав[едующих] отделений подобрать членов партии, не специалистов из рабочих»*⁸¹, а М.В. Калашников — *«коммунизировать наши отделения»*⁸². В этом хоре одиноко звучал голос управляющего делами ВИР М.М. Ушакова, призывавшего бережно относиться к специалистам, так как заменить их некем. К критикам присоединился недавно назначенный заместитель директора ВИР агроном Н.С. Переверзнев, согласившись с тем, что *«отделения наши беспризорны. Ими никто не занимается»*⁸³. По мнению Н. Гейликмана, *«администрация имеет лозунг: осторожность, осторожность и ещё раз осторожность, но не всегда его можно применить в наших Ин[ститут]тах»*⁸⁴.

Агрессивность критиков нарастала с каждым днем, что показало обсуждение ситуации с каучуконосами, которую оценили как преступную на заседании Бюро 18 октября. Неистовый Гейликман требовал *«немедленно снять всю преступную верхушку»*, а заодно *«проверить партчасть Президиума Ин[ститут]та»*. Было решено за помощью обратиться в «органы», в печать и в рабочие коллективы крупных заводов⁸⁵.

В Ленинградской правде» от 7 декабря 1930 г. (стр. 3) была опубликована статья «Сельскохозяйственная академия им. Ленина должна повернуться лицом к социалистической реконструкции деревни. Быстрее ликвидировать пережитки „чаяновщины“». За подписью «Н.Г.», скорее всего, значился тот же Н. Гейликман. Статья явно была инспирирована кругами, фабриковавшими дела Трудовой крестьянской партии, и содержала уже политические обвинения. Недостатки в работе ВАСХНИЛ, по мнению автора, были *«следствием чаяновкондратьевской традиции»* в академических кругах, не желавших *«ставить науку на службу социалистическому строительству. ...Дворяне, почетные граждане в значительной степени определяют социальное лицо Института... Немало старших научных сотрудников принесли с собой в Институт методы и традиции земского опытничества»*. В итоге работа, констатировалось в статье, идет *«на холостом ходу»*, руководство ВАСХНИЛ занимается постоянной реорганизацией институтов вместо реальной очистки их от носителей *«вредительской практики»*. В бездействии обвинялась и партийная организация ВАСХНИЛ, не реагирующая на критику: *«Отдельные товарищи своевременно сигнализировали о процессах в Институтах... Еще до разоблачения вредителей они характеризовали деятельность отдельных работников как вредительскую. Однако фракция Академии не уделяла этому должного внимания»*. В статье сквозит и разочарование аспирантами, не поддержавшими нападки на Вавилова. *«Аполитичность, дяляческое отношение к своей учебе, недооценка партийно-общественного воздействия на научный коллектив — вот что, — по мнению автора, — характеризует в основном аспирантуру»*.

Эта статья обозначила новый этап атак на Вавилова. Ему как главе ВАСХНИЛ вменяли в вину потворство преступлениям: «чаяновщине» и вредительству, а партийной организации — отсутствие реакции на «сигналы». На выступления главной партийной газеты Ленинграда отреагировал Октябрьский райком ВКП(б)⁸⁶. На пленуме *«комсостава ВКП(б) Институт»*

⁸⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 14

⁸¹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.

⁸²ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.

⁸³ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 48об.

⁸⁴ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 48об.

⁸⁵ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 46.

⁸⁶ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. № 5. Л. 41–42.

Сельскохозяйственной Академии» было доложено, что райком согласен с постановкой вопроса «о ненормальностях в жизни парторганизации». Институты ВАСХНИЛ «не справились с задачей подвести научную базу под социалистическую реконструкцию», а их «парторганизация не смогла возглавить действия в этом направлении и не мобилизовала внимание на борьбу с Чаяновицкой и Кондратьевской, и не возглавила чистки Институты от реакционных и классово чуждых специалистов». Отмечено было отсутствие единства в Президиуме ВАСХНИЛ, часто поддававшего под влияние враждующих группировок и чуждых элементов и ничего не сделавшего для изживания «науки для науки» и «приоритета индивидуального труда перед коллективистским». По предложению Президиума ВАСХНИЛ, партийным ячейкам и профорганизациям отделов было предписано «провести мероприятия по самоочистке», «развернуть беспощадную борьбу с отжившими формами организации научных отделов, как цеховых, отраслевых и т. п. окостенелых организаций, и с феодальными взаимоотношениями сотрудников, покоящимися на рабском преклонении перед авторитетами и фетишизме ученых». Вместе с тем пленум заявил: «Парторганизация Ленинградской группы Институты в основном здорова и, невзирая на трудности, будет стойко бороться за завоевание рабочим классом научных высот, за овладение рабочим классом с/х. наук»⁸⁷. На языке того времени это означало, что Октябрьский райком и парторганизация ВАСХНИЛ разделяют с администрацией ответственность за сложившееся положение и готовы к её исправлению.

Реакцией на статью в «Ленинградской правде» стало общее собрание ячеек ВКП(б) при Ленинградском институте аспирантуры, на котором запугивали аспирантов, не поддерживавших критиков. Указывалось, что среди аспирантов «имеются нездоровые настроения: слышны разговоры о том, что ЦК проводит Троцкистскую политику, вывозят продукты за границу, а сами голодают; такие разговоры не встречают соответствующий отпор» (К.А. Сафин)⁸⁸. Для преодоления ситуации М.Г. Тимофеева призвала «бороться с буржуазными теориями в естествознании»⁸⁹. Наиболее радикальным был Г.Н. Шлыков, предложивший «Прикрепить к производству аспирантов, бороться с теориями ВАВИЛОВА, оживить производственные совещания и послать бригады в Институты»⁹⁰.

13 января 1931 г. на расширенном заседании Бюро партийного и профсоюзного активы ВАСХНИЛ рассматривали планы реорганизации Институты крупного хозяйства, механизации сельского хозяйства, агропочвоведения, аспирантуры и др.⁹¹. От имени ВИР выступал Н.С. Переверзнев, который, назвав в числе его основных направлений районирование культур, определение районов наибольшей продуктивности (сортоиспытание), географической изменчивости и пр., заметил: «Изменение структуры выяснится к приезду Вавилова, тогда планы потребуют некоторой доработки»⁹². Ссылка на Вавилова не понравилась ряду сотрудников ВИР'а. Представитель профсоюзного бюро Саппель выразил сомнения, что ВИР закончит составление планов к 1 марта 1931 г., так как «эта работа упирается в структуру, что оставлено на волю ВАВИЛОВА. Надо все закончить до приезда последнего»⁹³. Поддержав опасения Саппеля, Г.И. Быков призвал не поддаваться давлению Вавилова, избавиться от «выражения настроения боязни авторитета Вавилова. Таким настроениям надо давать отпор, и с приездом Вавилова также твердо проводить нашу линию»⁹⁴.

⁸⁷ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 42.

⁸⁸ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

⁸⁹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

⁹⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.

⁹¹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 23. Л.1–4.

⁹²ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 23. Л.1.

⁹³ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 23. Л.2.

⁹⁴ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 23. Л.2.

Это заклинание было сделано буквально за несколько дней до возвращения Вавилова из-за границы после полугодового отсутствия. О его приезде сообщила «Ленинградская правда» 17 января 1931 г. Увиденное явно потрясло его. С горечью Вавилов говорил позднее: «Я приехал три недели назад и скажу, что я не видел Институт в таком положении приблизительно с 1920 г., половина зданий не топлена, аудитории не топлены, библиотека — мозг Академии — не топлен. Как можно готовить будущие кадры аспирантов при 5–6 градусах. Аспиранты не имеют достаточно нормальных условий»⁹⁵. Но еще больше его потрясла «разруха в головах», навязываемая коллективу группой партийных критиков, среди которых все чаще оказывался и новый «партдиректор» Н.С. Переверзнев, назначенный вместо «вельможного» Мартынова. Но Вавилов не дрогнул и вступил в «бой» за свое любимое детище. 18 января в «Красной газете», а 20 января в газете «Социалистическая реконструкция» публикуются его рассказы об итогах заграничного вояжа в страны Америки, в Германию и Францию.

Трудные бои

Так 9 февраля 1931 г. участники заседания только что созданного Биологического сектора (Биосектор) Секции естествознания ЛОКА характеризовали ситуацию в ВАСХНИЛ. Этому заседанию предшествовали радикальные изменения в Комакадемии в Москве. 11 января её Президиум признал крупные «провалы на фронте естествознания» и потребовал «перестройку естественных и математических наук на основе материалистической диалектики»⁹⁶. Прежних руководителей Ассоциации естествознания, включая генетиков И.И. Агола и С.Г. Левита, обвинили в извращении «проблемы партийности в науке», в отождествлении работ буржуазных генетиков с марксизмом, в капитуляции перед буржуазной наукой, в «антимарксистском отрыве теории от практики». Псевдомарксистскими были названы работы Н.К. Кольцова по евгенике, а труды А.С. Серебровского «формами приспособления к марксизму-ленинизму в условиях диктатуры пролетариата, по существу, отражающих напор классового врага на идеологию пролетариата»⁹⁷. Борьбу с подобными «приспособленцами» возглавил математик, профессиональный революционер Э.Я. Кольман, готовый законы Ньютона и Бойля-Мариотта переработать с позиций диалектического материализма⁹⁸. Он не сомневался, что знание законов диалектики приведет к крупным открытиям в биологии, которая кишит вредителями: ихтиологи занижают производительные способности прудов и рек, зоологи и ботаники противостоят созданию совхозов-гигантов и препятствуют распашке степей, экономисты-аграрники пишут о деградации сельского хозяйства в СССР⁹⁹. Для борьбы с враждебными марксизму концепциями требовали ввести методологический и идеологический контроль над институтами Наркомзема, Наркомздрава, Наркомпроца, АН СССР, ВАСХНИЛ и их научными изданиями, организовать просмотр учебной литературы, программ и методов преподавания в учебных заведениях, создать марксистско-ленинские учебники по отдельным естественным наукам, преобразовать марксистские общества в массовые организации ученых и т. п.

⁹⁵ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 111.

⁹⁶АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 413. Л. 2–3.

⁹⁷О положении на фронте естествознания: Резолюция Президиума Коммунистической Академии совместно с Ассоциацией естествознания и естественным отделением ИКПФиЕ по докладу О. Шмидта и содокладу А. Максимова «О положении на фронте естествознания» // Вест. Комакадемии. — 1931. — № 1. — С. 19.

⁹⁸План научно-исследовательской работы Институты на 1932 г.: Сокращенная стенограмма заседания Президиума от 14 февраля 1932 г. // Вест. Комакадемии. — 1932. — № 1. — С. 17–39.

⁹⁹Кольман Э. Вредительство в науке // Большевик. — 1931. — № 2. — С. 74–75.

В постановлениях ЦК ВКП(б) «О журнале „Под знаменем марксизма“» от 25 января 1931 г. и «О работе Комакадемии» от 15 марта 1931 г. ставилась задача беспощадной борьбы со всеми «антимарксистскими, а, следовательно, антиленинскими установками» в естественных науках, связанных с социалистическим строительством. Это открывало простор для политических спекуляций и разгрома тех направлений в биологии, которые были обвинены в отрыве от борьбы за урожайность, продуктивность животноводства, увеличение улова рыб и т. д. Комакадемии предписывали участвовать во всех мероприятиях научного характера (экспедициях, конференциях, съездах, обследованиях тематических планов институтов), проверить кадровый состав учреждений и обеспечить «решительное выдвижение молодых сил из числа проявивших себя и выдержанных коммунистов». Все научные учреждения страны представляли на проверку в Биологический институт (БИКА) и ОБМ Комакадемии планы научно-исследовательских работ. Биология была объявлена классово-партийной наукой, а ее теории стали характеризовать как буржуазные, вредительские, идеалистические, кулацкие, расистские, фашистские и т. п. Нормой стало противопоставление советских исследований мировой науке.

В ленинградской биологии главным выдвиженцем этого этапа «культурной революции» стал И.И. Презент, который вместо академического марксиста Я.М. Урановского в начале 1931 г. возглавил организации, созданные для проведения политики партии среди биологов: ОБМ, естественнонаучную секцию ОВМД и Биосектор ЛОКА, кафедру диалектики природы и эволюционного учения в ЛГУ. На упомянутом заседании Биосектора И.И. Презент, давая установки аспирантам, более чем наполовину представлявшим ВАСХНИЛ, вещал: «...Октябрьская революция в отношении перетряхивания теоретических установок ещё только начинается. Нам нужно все взять на свои плечи. Основная задача — самокритика и перетряхивание. Нужно проделать черновую работу по сборке материалов, чтоб представить себе все реакционные течения. Нужно взять на критику всех. Черновой просмотр, сборка материала должна вестись широко и массово во всех учреждениях. Необходимо наметить бригаду, которая должна установить очередность всех течений и лиц, которых мы должны бить»¹⁰⁰. При этом он стремился сохранить за собой руководящую роль в критике биологов во всех учреждениях. «Всю работу, — подчеркивал Презент, — надо вести объединено. Нужно, чтобы во главе всего стояла Комакадемия и чтобы она руководила всей работой. Нужно связаться с теми учреждениями, где работают отдельные специалисты, и установить в каждом, что они из себя представляют в своих теоретических взглядах и практической работе». Презент прямо говорит о том, что они берут на себя роль опричников Обкома ВКП(б) в области науки: «Нужно, чтобы у нас была единая линия, согласованная с Обкомом, кого и как ударить, и кого поддержать. Основная мерка это политическое лицо ученого». Ссылки на Обком партии и необходимость согласовать с ним свои действия стали постоянными во всех решениях ОБМ и Биосектора Института естествознания ЛОКА.

К этому времени Презент уже определил ВАСХНИЛ и Н.И. Вавилова как первоочередные цели для обследования, фактически посвятив этому вопросу рассматриваемое заседание. Аспирант из ВАСХНИЛ В. Соколов докладывал: «У нас в ВАСХНИЛ идут бои за марксистскую методологию. У нас уже 3-е собрание, когда мы критикуем крупных специалистов. Ин[ститу]т аспирантуры дал очень многое по методологии, которой уделяется в подготовке даже большее внимание, чем специальным предметам. Наша Академия /доклад о прикладной ботанике Быкова/ имеет в своем составе, главным образом, чуждых нам специалистов, засорена лицами, исключенными из других ВУЗ'ов. Есть затирание молодых специали-

¹⁰⁰СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.

стов. Мы выдвигаем вопрос о критике вавиловской школы»¹⁰¹. Оптимистично был настроен С.В. Солдатенков: «В Ин[ститу]те животноводства ВАСХНИЛ все аспиранты разбиты на бригады. Имеются конкретные результаты по проработке генетической школы Филипченко»¹⁰².

Однако сразу выяснилось, что далеко не все аспиранты жаждут прорабатывать своих учителей. И.Д. Мина признал: «Для нас вопрос об информации о работе поставлен неожиданно, и мы не очень хорошо подготовлены»¹⁰³. Об отсутствии профессиональных знаний говорил С.Н. Резник: «У нас хорошо поставлен диамат, но у нас очень недостаточна подготовка по методологии своих специальностей..., чтобы увязать марксистскую методологию с экспериментальной работой»¹⁰⁴. По его словам, из 200 аспирантов ВАСХНИЛ 73 человека — коммунисты и 42 — комсомольцы, но и среди них нет «заинтересованности в работе бригад ЛОКА», в разоблачении «реакционных теорий: Левитский, Лискун, Устьянцев, Берг, Любищев»¹⁰⁵. Аспирантов ВАСХНИЛ поддержала секретарь Биологической ассоциации АН СССР, аспирантка Е.М. Пружанская, отметив, что коммунисты есть только на подготовительном отделении аспирантуры и их знания столь слабы, что взяться за критику специалистов они не могут. С ней согласилась жена Презента Б.Г. Поташникова, признав: «...За проработку Вернадского, Павлова и других лиц мы еще взяться не можем»¹⁰⁶.

Даже А.В. Альбенский вынужден был признать: «В ВАСХНИЛ очень много наделано ошибок, и так ставить доклады (имеются в виду, очевидно, доклады Г.И. Быкова. — Э.К.) нельзя. Нужно работы по методологическому анализу делать очень ответственно»¹⁰⁷. Он согласился с тезисом о ведущей роли ЛОКА в подготовке докладов с критикой Вавилова и подчеркнул: «Необходимо вначале проверять их в Комакадемии и согласовать в соответствующих партийных органах. Нужно действительно глубоко поставить проработку теоретических вопросов и взяться за критику методологии Берга и др.».

Своим опытом работы поделилась Б.Г. Поташникова, которая также считала: «За ВАСХНИЛ надо серьезно взяться, поскольку она играет крупную роль в нашем строительстве. Аспиранты правильно начали критику отдельных сотрудников. Взгляды Вавилова определенно мешают приблизить Ин[ститу]т растениеводства к соц[иалистическому] строительству. У них очень трудно вести борьбу, т[ак] к[ак] у них очень хорошо сколочены специалисты. У них очень много крупных спецов, без которых ещё нельзя обойтись. Вопрос о Вавилове нужно бы было согласовать с Обкомом» (подчеркнуто мной — Э.К.)¹⁰⁸.

В тот же день на общем собрании сотрудников ВИР шел очередной «трудный бой», где критиковали уже не организационные и кадровые ошибки в деятельности Вавилова, а всю систему его научных взглядов как противоречащих марксизму. Поводом для такой постановки вопроса стала статья «Прикладная ботаника или ленинское обновление земли? Лицом к нуждам социалистического строительства» в газете «Экономическая жизнь» от 29 января 1931 г., написанная А.К. Кодем. В историко-научной литературе её обычно оценивают как «политический донос», последовавший за снятием Н.П. Горбунова и положивший начало травле Вавилова. На мой взгляд, значение этой статьи сильно преувеличено. Она лишь одно из звеньев идущей уже более года атаки на Вавилова, а Коль не злой его гений, а марионетка аспирантов-партийцев.

¹⁰¹СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

¹⁰²СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

¹⁰³СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

¹⁰⁴СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

¹⁰⁵СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

¹⁰⁶СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.

¹⁰⁷СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

¹⁰⁸СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

Язык и стилистика статьи, содержащиеся в ней обвинения ВИР'а в реакционности и вредительстве, обычны для того времени. В ней чувствуется раздражение, зависть и обида амбициозного человека, советами которого пренебрегли и которого «не уважают». Коль обвинил ВИР в подмене теории «ленинского обновления земли» теорией «о центрах происхождения изменчивости», в профессорском копании в «ни к чему неприменимых томах „прикладной ботаники“», в отказе от агрономически-селекционной работы и подмены ее морфолого-систематической, в «противодействии введению в элитный фонд иностранных ценных пород» и т. д. Странно выглядело его предложение в условиях вхождения страны в режим автаркии и ограничиться закупкой и интродукцией иностранных сортов на базе «учения о существовании многочисленных климатических аналогов в каждой области союза в виде десятков пунктов Земного шара». «Экономическая жизнь» была изданием Народных комиссариатов снабжения, внешней торговли, путей сообщения и финансов, ее публикации не были директивными указаниями, и Н.И. Вавилову дали возможность публично ответить, но только 13 марта 1931 г. Руководствуясь распоряжением Наркомзема, Вавилов практически сразу после возвращения из-за границы приказал всем заведующим секциями ВИР максимально использовать уже в 1931 г. *«практически ценный сортовой материал для посевов»*, включая *«местный материал, селекционный и в особенности экспортируемый из-за границы»*, и предложил общую схему посевов, учет их и подведение итогов¹⁰⁹. Кроме того, он приказал с конца первой декады февраля провести сессию общих собраний отделов и секций ВИР в целях принятия планов на 1931 г. и на вторую пятилетку, оперативно отреагировав на все критические замечания.

Тем не менее, кое-кто в ВИР'е усмотрел в механоламаркистских рассуждениях Коля стимул для критики уже научных взглядов Вавилова. 9 февраля 1931 г. Г.И. Быков призвал критиковать концепции Вавилова, которые являются *«насквозь антидарвинистскими, антимарксистскими по своему существу и методологии»*, в результате чего *«практическая ценность значительных трудов Ин[ститу]та имеет отдаленное отношение к социалистической реконструкции с. х-ва»*¹¹⁰. Отмечалось *«отсутствие материалистической диалектики в разработке основных проблем, стоящих перед Ин[ститу]том»*, *«увлечение ботанико-селекционной стороной изучения с.х. культур без переключения результатов всех исследований в области растениеводства в практику крупного специализированного и механизированного социалистического с.х. производства»*¹¹¹. Институт пользуется популярностью за границей, его труды переведены на многие языки, но ничего не делается для использования коллекций в социалистической практике. ГубКК и РКИ предлагали *«произвести чистку научно-исследовательского и административно-хозяйственного аппарата Института»*¹¹². В очередной резолюции констатировалось: *«Институт растениеводства по своему направлению совершенно не удовлетворяет тем требованиям, которые поставлены перед ним правительством и партией»*..., *«не справился с задачей реконструкции социалистического хозяйства»*..., *«не освободился от чуждой нам идеологии»*. *«Партийные и общественные организации, взявшись за реорганизацию работы, столкнулись с враждебным отношением со стороны отдельных сотрудников. Другая часть беспартийных сотрудников попала в немилость у самой сильной части работников»*¹¹³.

Следующий «бой» произошел несколько дней спустя при обсуждении вопроса об аспирантуре. Впервые, пожалуй, столь жесткие претензии к Н.И. Вавилову высказывали в его

¹⁰⁹Николай ..., 1987. С. 87–88.

¹¹⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 7–8

¹¹¹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 25.

¹¹²ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 29.

¹¹³ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

присутствии. Дата собрания в стенограмме не указана, а на папке ошибочно написано 1929 г. Но из выступлений видно, что оно проходило где-то 10–12-го февраля 1931 г., через три недели после возвращения Вавилова из полугодичной экспедиции в страны Центральной Америки, Мексику и США. Роль застрельщика дискуссии вновь взял на себя Г.И. Быков, заявивший, что ВИР не выполняет решения XVI съезда партии ВКП(б), «не выкорчевал корни чайновщины», и зловеще предупредил: «...Надо признать и вспомнить, что в основном чайновская организация немало сделала для нашего Института, недаром они сидят сейчас под замком»¹¹⁴. По его словам, обследовавшая ВИР бригада подтвердила выводы Коля, и «теперь наше положение определенно неблагоприятное и неблагоприятное». Быков грозно рявкнул: «Небходима диктатура пролетариата», «никаких идеологий мы не позволим», «прекратить отрыв администрации от партийного коллектива», «часть наших профессоров, которая не целиком к нам повернулась, убрать и дать дорогу молодым». В то же время он лавировал, заявляя: «Вавилов целиком и полностью наш. Он целиком и полностью заявил, что не берет на себя защиту этих враждебных элементов, что если потребуется чистка, то он возьмет это на себя, не думаю, что Николай Иванович спасует»¹¹⁵. Быков призывал ликвидировать разрыв между парторганизацией и дирекцией, предупреждая всех, что партия будет руководить профессорами, а не наоборот, и что Институт будет вести решительную борьбу со всеми формами антидарвинизма, включая ламаркизм. Остановившись на брошенном Колям заявлении о контрреволюционной деятельности института и пустой трате денег, Г.И. Быков предложил ответить на его вызов со «всей ответственностью и серьезностью»¹¹⁶. И серьезность ситуации поняли все присутствовавшие.

В развернувшейся дискуссии против основных положений доклада и обвинений в адрес Института выступили Л.Л. Балашов, Е.Н. Синская, Н.Г. Касаткин, Н.Д. Костецкий, В.В. Маркович, М.Г. Попов, К.А. Фляксбергер и др. Все они убедительно показывали бесплодность рекомендаций Коля и напоминали, что интродукция лучших сортов зерновых из США ничего не дала и нужно создавать совершенно новые сорта (Балашов)¹¹⁷. Все они отмечали легковесность и безграмотность быковского выступления. Последнее его сторонники парировали тем, что быковский доклад политический, а не научный. Даже некоторые сторонники Коля, например, М.В. Калашников, протестовали против превращения ВИР в почтовое отделение по пересылки семян. Тем не менее, защищая Коля, противники Вавилова (Н.И. Карташев, И.В. Овсянникова, С.М. Прокошев и др.) говорили о том, что в результате травли Коля превратился в больного, запуганного человека и, конечно, преувеличивает недостатки, реакционные действия ошибочно называет контрреволюцией, но в его словах надо признать правду, хотя бы на 5%, особенно в части кадровой политики. Красочен был Григоров: «Мы имеем, по крайней мере, половину старых ископаемых ученых, которые ни практически, ни политически, ни научно ценности не представляют. А держать мощи и превращать Институт растениеводства в место, где эти мощи сохраняются, мы не станем»¹¹⁸. И далее с юной непосредственностью предлагал: «...Надо тов. Вавилова окружить молодыми кадрами, которые не просто пассивно бы относились к Вавилову как к ученому, а критически»¹¹⁹. Все выступавшие отвергли обвинения Коля в контрреволюционной направленности работы ВИР, а Л.И. Говоров назвал подобные заявления мерзостью, хотя признавал вину в том, что научный авторитет Вавилова «настолько подавляет нас, что мы в его отсутствии

¹¹⁴ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹¹⁵ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

¹¹⁶ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

¹¹⁷ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 87–90.

¹¹⁸ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

¹¹⁹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 44.

были бесплодны». *«Диалектический метод не так прост. И для того, чтобы овладеть этим методом, первое, что требуется, — говорил он с явной издёвкой, — пролетарское чутье, которого у нас, представителей старой школы, нет»*¹²⁰.

В ответном слове Вавилов¹²¹, еще не привыкший к новой ситуации «критики невзирая на лица», вместо требуемой «самокритики», объяснял оппонентам трудности управления Институтом, затем обвинил их в малой образованности и призвал прочитать 100 тыс. книг, чтобы стать хорошими специалистами. Шлыкова он назвал «плохим специалистом», а Коля «плохим работником». Вавилов заявил, что всегда был дарвинистом, и пригрозил отставкой в том случае, если Коля не уберут из Института. Однако ему ответили, что Коля ему уволить не дадут, партию шантажировать нельзя и надо работать там, куда тебя назначили, а 100 тыс. книг читать ни к чему, так как они написаны буржуазными учеными и после их прочтения аспирант становится орудием врага. Дегтярёв прямо заявил: *«Вавилов не прав... Молодежь атакует верно... Революция есть ветер, который отбрасывает всех тех, кто нам сопротивляется»*¹²². Видимо, это понимал и сам Вавилов, который посчитал необходимым публично отмежеваться от А.В. Чайнова и А.Г. Дояренко и даже назвал их *«врагами нашего учреждения»*, заявив, *«что никто столько палок в колеса не ставил, сколько эти представители, в развитие Института Растениеводства»*¹²³.

Хотя письма Вавилова в газеты с опровержением критики не печатали¹²⁴, он предпринял мощное пропагандистское контрнаступление, рассказывая об основных направлениях работы Института на III Областном съезде Советов (Ленингр. правда, 22 февраля 1931 г.). Газета «Правда» дважды сообщала о его выступлении на VI съезде Советов СССР (15 марта 1931 г.) и на 1-й Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы (10 апреля 1931 г.). Об этом же сообщает и газета «Известия» (8 апреля 1931 г.)¹²⁵. В конце марта 1931 г. Вавилов делает большой доклад об основных направлениях работы ВИР'а на Президиуме ВАСХНИЛ, который был одобрен.

3 апреля 1931 г. Вавилов выступил на открытом пленуме ВКП(б) ВИР о задачах современной агрономической науки, о месте ВИР в их решении и о перспективах ВИР в свете постановлений XVI съезда партии¹²⁶. С самого начала он сказал, что доклад был одобрен Президиумом ВАСХНИЛ, Наркомземом, а нарком земледелия Я.А. Яковлев подтвердил поддержку деятельности Института при недавнем посещении ВИР'а. С горечью и недоумением звучали слова Вавилова: *«Половина наших помещений не отапливается. Это, товарищи, серьезное дело, которое в значительной степени определяет нашу неработоспособность. Это трудности, которые нетерпимы в таком учреждении, на которое возлагаются ответственные задачи, которое должно принимать участие не только в научной разработке теоретических проблем, которые могут подождать, но которое принимает участие в самой неотложной практической задаче, выполняя роль научного сектора Наркомзема»*¹²⁷. На многих доклад, насыщенный конкретным материалом и цифрами, произвел большое впечатление, даже глав-

¹²⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 65.

¹²¹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 44–56.

¹²²ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 72.

¹²³ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.

¹²⁴Левина... 1995. — С. 38; Есаков... 2008. — С. 167–172)

¹²⁵Николай..., 1987. — С. 100.

¹²⁶ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 39–67. Возможно, это дата указана неточно, так как считается, что именно в этот день Вавилов делал доклад Агрономическая наука в условиях социалистического хозяйства на Всесоюзной конференции по планированию науки, в котором дал обзор состояния и перспектив развития сельскохозяйственных наук в СССР (Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. — 1931. — № 5–6. — С. 128–138.

¹²⁷ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 73.

ные критики были сдержанны. Они по публикациям в прессе понимали, что основные положения доклада прошли апробацию в Москве и одобрены. А.В. Альбенский лишь выразил сомнения в том, что ВИР справится с поставленными задачами; Г.Н. Шлыков выражал разочарование, что Вавилов говорил о будущих работах, а не о сегодняшнем дне; А.К. Коль обвинил ВИР в академизме; Г.И. Быков сетовал, что методология не «наша», не марксизм. Руководитель бригады Обкома, обследовавшей институт, Меньшиков, был аккуратен в формулировках. Он признал большие успехи ВИР в решении зерновой проблемы и повышении урожайности, но призывал отказаться от старых традиций индивидуального исследования в пользу коллективистских практик, укреплять связь с производством и т. д.¹²⁸. Вавилова поддерживали Н.Н. Кулешов, Б.С. Мошков, М.Г. Попов и другие ведущие ученые. Осторожно выступал секретарь бюро партийной ячейки П.К. Артёмов, уверяя, что часть ответственности за недостатки в ВИР'е лежит на коммунистах.

В заключительном слове Вавилов сначала резко стал отвечать на критику, делая упор на некомпетентности и малограмотности критики: «50 % того, что говорилось здесь, основано на недостаточном знании Института». «Г. Альбенский не знает наши работы, а результаты этой работы очень большие, мы имеем первоклассные assortименты, которые бьют все остальные... Альбенский говорит: „методология“, если б его послушал Нарком Земледелия, то он закрыл бы наше учреждение при такой постановке. Если Вы читаете телеграммы, которые за день приходят, то Вы увидите, чего жизнь требует. Почему мы держимся за сортоиспытание, да потому что мы получаем совершенно конкретные вопросы, которые требуют конкретных знаний, а не методологии»¹²⁹. Далее Вавилов продемонстрировал великолепное знание всего, что делается в Институте, осветив теоретическое и практическое значение каждой плановой темы.

С частью претензий он согласился, сославшись на огромные перегрузки, не позволявшие проконтролировать каждую тему, признал необходимость поворачивать генетиков, физиологов и селекционеров к нуждам сегодняшнего дня. Вавилов был готов поделиться полномочиями с парторганизацией, но с тем условием, чтобы она приняла на себя и обязанности: «*Есть части, которые нужно покруче поворачивать, так вот Вы их подтягивайте, а дирекция будет Вам признательна. Мы озабочены тем, чтобы на Вас перегрузить возможно больше обязанностей, это знают товарищи по работе в Президиуме; мы охотно пойдём на передачу Вам возможно больше функций, и позвольте это пожелание зафиксировать* (выделено в стенограмме. — Э.К.)»¹³⁰. Не оставил без внимания Вавилов и актуальный вопрос об аспирантуре «*Относительно аспирантуры укажу на т. Быкова. Жаль, его нет. Он человек авторитетный в Ваших кругах, и его мнение очень для нас существенно. Но из-за его малограмотности с нашей точки зрения, его малограмотности нас, его выстрелы в цель не попадают. Ему надо учиться. Когда вы будете нас знать, будете за чуб брать и повернете нас; но этих знаний у Вас недостаточно*»¹³¹. Отверг Вавилов и обвинения в отсутствии стержня в деятельности ВИР, пафосно заявив: «*Целевая установка это служба социалистической стране. Весь смысл нашего существования, чтобы быть полезным, как мы это представляем, и мы подводим базу под селекционную работу материалом, методологией, наконец, государственным сортоиспытанием: Это все не нужно? Это не целевая установка?*»¹³². Вавилов ответил и А.К. Колю. «*КОЛЬ говорит а к а д е м и з м — но мы сами пошли добровольно на переименование Отдела Прикладной Ботаники в Всесоюзный Институт*

¹²⁸ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 98–100.

¹²⁹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 107.

¹³⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 108.

¹³¹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 109

¹³²ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 109.

Прикладной Ботаники и Новых Культур, а потом — Институт Растениеводства... Конкретизируйте, общая словесность КОЛЯ надоела, а когда наступает конкретизация, то получается, что интродукционные участки засеяны крапивой»¹³³.

Останавливаясь на проблеме выдвижения кадров, Вавилов горько заметил, что не в том дилемма, партийный сотрудник или беспартийный, а в том, что этих сотрудников нет. В условиях острейшего кадрового дефицита «*надо подумать о том, чтобы по всем разделам обеспечить смену*»¹³⁴. Вавилов призывал критиков к сотрудничеству: «...*Дирекции очень легко будет с вами договориться, не противодействовать Вам будет, но всячески пойдет на встречу*».¹³⁵ Он просил прекратить пустые разговоры об аполитичности и признал: «...*Институт нуждается в повороте, в более крутом повороте лицом к социализму... Здесь Ваша помощь нужна, и она может быть чрезвычайно велика*»¹³⁶. Более того, Вавилов понимал, что коммунистическая фракция имеет «*влияние несколько сильнее, нежели Дирекция*». Вавилов признавал: «*Бороться с реакционным направлением — боритесь, это Ваша задача*»¹³⁷. Однако он не принял пункты резолюции о необходимости бороться против реакционного направления в научной работе и об излишнем количестве отраслевых институтов. И собрание согласилось с ним, создав комиссию для доработки постановления. Вавилов сумел смягчить конфликт, пообещав сотрудничество критикам при условии приобретения ими профессиональных знаний. В конечном счете, был принят смягченный вариант резолюции, доработанный Н.Г. Касаткиным, Г.Н. Шлыковым и М.В. Калашниковым: «*Решения XVI партсъезда по докладу т. Яковлева о направлении работ С.Х. академии не отразились в деятельности Института: основная масса специалистов не была мобилизована...*» и т. д. на четырех страницах¹³⁸.

Сложившаяся в ВИР'е обстановка вновь заставила Вавилова поднять вопрос о своей отставке. В письме в Президиум ВАСХНИЛ он указывал на ненормальную обстановку, созданную в ВИР'е «*благодаря легкомыслию ряда партийных товарищей, мало подготовленных и в то же время зараженных запалом критики и реформаторства*»¹³⁹. Одни требуют превратить ВИР в оперативный орган Наркомзема, другие, напротив, заняться методологией. Существует и «*большая разногласица*» «*среди партийных кругов*», не позволяющая выбрать стратегию исследований. Указывал он и на огромные финансовые и материальные трудности Института. Однако без Ленинградского Обкома вопрос об отставке Вавилова в то время не мог быть решен.

«*Бои*» в ВИР шли синхронно и согласованно с событиями в ЛОКА. 8 марта 1931 г. при обсуждении плана работ Презент вновь подчеркнул, что необходим «*разбор различных реакционных течений в биологии и наряду с этим тщательная проверка их влияния на работу наших прикладных учреждений... нужно в первую очередь заняться: генетика (Вавилов, Карпеченко, школа Филипченко)*»¹⁴⁰. Он призвал заняться подготовкой к проведению Всесоюзных съездов с целью захвата руководства биологическими обществами и провести методический просмотр всех кафедр биологического профиля в вузах Ленинграда. Его возмущало, что профессора не ссылаются в своих работах и лекциях на партийные документы, а если и упоминают о них, то со скрежетом зубным. Наряду с обычными обвинениями в «*отрыве теории от практики*», «*либеральном и оппортунистическом отношении к теоретическим*

¹³³ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 109.

¹³⁴ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 109

¹³⁵ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 110

¹³⁶ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 114.

¹³⁷ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 113

¹³⁸ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 113

¹³⁹Николай... 1987. С. 114.

¹⁴⁰СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.

вылазкам прямых классовых врагов» он инкриминировал генетикам «созерцательное отношение к природе, с её, якобы раз и навсегда сложившимися стабильными, наиболее благоприятными отношениями, затронуть которые значит, с точки зрения этих теоретиков, ворваться в порядок природы, нарушить её устои... такова установка этих теоретиков, которые не прочь одеть природу в жандармский мундир, а самого жандарма облечь законностью природы»¹⁴¹.

Как никто другой Презент умел придать любой научной дискуссии характер обострившейся классовой борьбы. Его деятельность была направлена на сокрушение традиционных научных школ, и в этом он был един с вировскими критиками Вавилова, возмущенными тем, что ученые старшего поколения, на словах приняв диалектический материализм, продолжают заниматься прежними темами, используют методы мировой науки и не уступают им место в руководстве, несмотря на безупречное социальное происхождение, партийность и знание марксизма.

Позиция Презента отражала взгляды новых руководителей ОБМ в Москве, которые декларировали: «Нужна решительная борьба, разоблачение реакционных “теорий” отдельных научных работников, пытавшихся ограничить возможность вмешательства экспериментатора, исследователя в ход развития животных и растений, обосновывающих созерцательное, пассивное, любительское отношение к живой природе»¹⁴². В докладе Б.П. Токина на общем собрании ОБМ, состоявшемся 14 марта 1931 г., в обязанности «марксистов-ленинцев» вменялось решать проблемы превращения озимых сортов культурных растений в яровые, хлопковой и каучуковой независимости, борьбы с засухой и т. д. Токина особо возмущало «„святое“ невмешательство в методологические установки Вавилова»¹⁴³. Он зловеще предупреждал: «Биология в СССР — не кабинетное дело. Совсем недавно мы имели раскрытие целой системы вредительства и на сельскохозяйственном „биологическом“ участке. Разговоры об аполитичности естествознания и биологии в частности являются сознательной ложью „дипломированных лакеев буржуазии“»¹⁴⁴. Он требовал проверить всю систему учреждений сельскохозяйственной науки, оговариваясь на всякий случай, что это «не означает, что мы должны дать лозунг „проработать“ Вавилова»¹⁴⁵. Ознакомившись бегло с материалами совещания ОБМ, В.И. Вернадский записал: «Читать нельзя, больное, невежественное. Для психиатра. Картина морального разложения... убогие люди и полное отсутствие понимания научной работы...»¹⁴⁶. Но именно эти люди планировали осуществлять методологический контроль «над существующей и развертываемой сетью научно-исследовательских учреждений, входящих в состав Наркомзема (прежде всего ВАСХНИЛ)», «заслушать на пленуме ОБМ доклад о плане и работе Института животноводства и растениеводства ВАСХНИЛ», организовать «бригаду для изучения и критической оценки работ Н.И. Вавилова», поручив ей «подготовить для пленума общества доклад: „Генетика, селекция и проблемы растениеводства“»¹⁴⁷. Неизвестно, состоялся ли этот доклад. Его следов нет ни в одной из статей-отчетов или статей-планов руководителей Президиума ОБМ¹⁴⁸ (Бондаренко, 1931; Бондаренко, Яксон, 1931; Новинский, 1931). Также нет сведений о реакции

¹⁴¹Презент И. Классовая борьба на естественно-научном фронте. Обработанная стенограмма лекции на конференции педагогов-естественников. М.; Л.: ОГИЗ, 1932. С. 2.

¹⁴²Мицкевич М., Токин Б. Эволюционную науку на службу соцстроительства // Учение Дарвина и марксизм-ленинизм. — М.: Партиздат. 1932. С. 127.

¹⁴³Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии / Под ред. П.П. Бондаренко и др. — М.; Л. Гос. мед. изд-во. — 1931. — С. 12.

¹⁴⁴Там же. С. 9–10)

¹⁴⁵Там же. С. 12.

¹⁴⁶Вернадский В.И. Дневники. 1926–1934. — М.: Наука. — 2001. — С. 258.

¹⁴⁷Против... 1931. — С. 92–93.

Н.И. Вавилова на личное предложение ему от редакции «За марксистско-ленинское естествознание» принять участие в обсуждении плана работ БИКА, возглавляемого Б.П. Токиным.¹⁴⁹

12 апреля 1931 г. на заседании Президиума Ассоциации Комакадемии был заслушан доклад руководителя Секции естествознания Института философии ЛОКА Я.М. Урановского и И.И. Презента о состоянии дел в Ленинграде. Они сообщили, что «организовано 9 бригад. Поставлена конкретная задача — оценка школ и направлений биологии с учетом, каковы выходы их в практику, в частности, оценка генетических школ Филипченко, Вавилова по вопросам селекции с/х. растений, 2 бригады работают по проблемам зимозоустойчивости (так в тексте. — Э.К.) — проверка теоретических и практических установок для осуществления методологического контроля лаборатории проф. Максимова»¹⁵⁰. Отчет явно не удовлетворил Э.Я. Кольмана, который заявил: «Положение в Ленинграде следует признать ненормальным. Борьба со старым руководством не доведена до конца. В работе не обеспечено четкой партийной линии, несмотря на то, что Ленинград представляет собою крупнейший пролетарский центр кадры совершенно не организованы, масштаб работы не принял надлежащих размеров»¹⁵¹. По мнению члена Президиума Сурта, «из выступления Презента и Урановского видно, что борьба на два фронта не проведена и, видимо, данное руководство секции не может обеспечить четкой партийной линии. Ссылка на то, что в Ленинграде нет кадров и где их взять, — кажется более чем невероятной»¹⁵². В конечном счете, «организовывать кадры» поручили Презенту, ближайшими сотрудниками которого стали все те же аспиранты из ВАСХНИЛ А.В. Альбенский, С.М. Прокошев и Г.Н. Шлыков, вошедшие в состав правления ОБМ¹⁵³. Членами ОБМ были также другие сотрудники и аспиранты ВАСХНИЛ (Р.К. Аболин, Ф.Х. Бахтеев, И.Е. Брежнев, П.М. Жуковский, Г.М. Коваленко, В.А. Ковда, Н.А. Максимов, И.Д. Мина, Б.Б. Польшов, И.М. Поляков, Д.М. Разумов, С.Н. Резник, К.С. Семакин, С.А. Самофал, В.Н. Сукачев, М.Т. Тимофеева, П.И. Чазов, С.В. Юзепчук и др.), которые были хорошими специалистами и оказались верны Вавилову.

Особую активность и здесь проявлял А.В. Альбенский, который поначалу даже пытался сместить Презента с поста председателя ОБМ, но не получил поддержки его членов. Он возглавлял или входил в состав практически всех бригад, созданных для обследования ВАСХНИЛ, Лесотехнической академии, подготовки Всесоюзного съезда ботаников, Всесоюзной конференции по генетическому планированию и т. д. Всего в Ленинградском ОБМ по отчетам состояло 215 человек, но в разных списках насчитывалось не более 85 человек, а в протоколах мелькают двадцать пять-тридцать фамилий одних и тех же ассистентов, аспирантов и студентов Института естествознания ЛОКА, ЛГУ, Педагогического института им. А.И. Герцена, ВАСХНИЛ (всего 16 организаций)¹⁵⁴. Для борьбы с традиционными научными школами были созданы бригады, в том числе «по селекции и генетике в составе: А.В. Альбенского (бригадир) ВАСХНИЛ, Б.Г. Поташникова –А[кадеми]и наук, М.Е. Лобашева

¹⁴⁸Бондаренко П.П. Работа Ассоциации институтов естествознания в связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 15 марта о работе Комакадемии // За марксистско-ленинское естествознание. — 1931. — № 2. — С. 102–115; Бондаренко П.П., Яксон Р.Э. Работа Секции естествознания Комакадемии в свете дискуссий о положении на фронте естествознания // За марксистско-ленинское естествознание. — 1931. — № 1. — С. 16–26; Навинский И.И. Учебно-производственный план ИКП естествознания // За марксистско-ленинское естествознание. — 1931. — № 1. — С. 116–125.

¹⁴⁹План работы... 1931. — С. 127.

¹⁵⁰СПФ АРАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.

¹⁵¹СПФ АРАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 6. Л. 53

¹⁵²СПФ АРАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 6. Л. 53

¹⁵³СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

¹⁵⁴СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 6. Л.3–4.

Л.Г.У.)¹⁵⁵. Бригаде по виду (Н.В. Шипчинский — бригадир, Е.Г. Бобров, К.М. Завадский, П.Н. Овчинников, Д.А. Петров, М.М. Ильин, И.М. Крашенников, С.В. Юзепчук и др.) поручили критику «лотсианского направления (экспериментально-генетическое)» и наметили два доклада: о школе Г. Турессона и о школе Н.И. Вавилова „вид как система“¹⁵⁶. Бригада генетиков во главе с Б.Г. Поташниковой должна была «*проверить работу Таланова, т[ак].к[ак]. наблюдалась подтасовка цифр*»¹⁵⁷, и раскритиковать Вавилова за «*механистические уклоны в генетике, проявившиеся в гомологических рядах и мировых центрах сортообразования*»¹⁵⁸.

Б.Г. Поташникова была одной из ключевых фигур в событиях тех дней, связанных с Вавиловым. У неё за плечами был солидный партийный стаж (с 1920 г.), богатая биография советской активистки, участие в дискуссиях на стороне троцкистов и вынесенный из них опыт следования «генеральной линии партии» и колебаний вместе с ней. Биологией она занималась только три года, но уже успела подготовить вместе с другим активистом «культурной революции» Н.Л. Гербельским большой учебник «Рабочая книга по естествознанию» (1931). В 1929 г. Поташникова была аспиранткой в Педагогическом институте им. А.И. Герцена, а с 1930 г. направлена в аспирантуру АН СССР, в Лабораторию генетики при научном руководстве В.Л. Комарова. Она, разрабатывая генетический метод в систематике на материалах межвидовых гибридов в семействе крестоцветных¹⁵⁹, была знакома с трудами Г.Д. Карпеченко, прошла семинар у Ю.А. Филипченко. Возможно, поэтому существует мнение о том, что в начале своей карьеры И.И. Презент был чуть ли не консультантом по философии у Вавилова и предлагал ему дать диалектическое обоснование генетики, что было отвергнуто¹⁶⁰. Помимо учебы в ЛГУ Поташникова работала в Биосекторе Института естествознания ЛОКА, где считалась главным специалистом по генетике, а после ареста Г.Д. Карпеченко была и. о. заведующей кафедрой генетики растений ЛГУ. В целом Поташникова проявляла осторожность и осмотрительность в суждениях о генетике в целом и генетических взглядах Вавилова и его сотрудников, в частности. «Принципиальный» Презент публично ее громил за потерю классового чутья и неумение вскрыть ошибки формальной генетики в трудах, правда, к тому времени уже покойного Ю.А. Филипченко (1888—1930).

Вместе с другими аспирантами ЛГУ К. Косиковым и И. Яковлевым, Б.Г. Поташникова весной 1931 г. проверила Лабораторию генетики АН СССР, возглавляемую Н.И. Вавиловым. От участия в проверке отказался М.Е. Лобашев, а также аспиранты ВИР, сославшиеся на посевную. Представленный отчет был согласован с Бюро партийной ячейки и с профбюро Ассоциации биологических учреждений АН СССР¹⁶¹. На пяти страницах убористого текста проверяющие пункт за пунктом рассматривали пункты плана, отметив их многотемье (16 тем на 6 человек), но были осторожны в выводах о рекомендациях, оставляя решение на усмотрение будущей совместной конференции АН СССР, ВАСХНИЛ, ЛОКА по генетическому планированию. Хотя ни один пункт плана не остался без критических замечаний с учетом времени его составления, отчет был в целом положительный. В нем нет пунктов о вредительстве, механицизме, витализме и т. д. «*Производственный план лаборатории генетики (ЛАГ) на 1932 г. является иллюстрацией того отставания науки от практики социалистического строительства*», которое, однако, как тут же отмечается, «*является характерным и для дру-*

¹⁵⁵СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 37.

¹⁵⁶СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

¹⁵⁷СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.

¹⁵⁸СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

¹⁵⁹СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

¹⁶⁰Никаких документов, подтверждающих эту идею, нет. Участники событий тех дней мне также ее не подтверждали.

¹⁶¹СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–26.

гих областей нашего естествознания»¹⁶². Как недостатки отмечены исследования генетики отдельных признаков, отсутствие связи с селекционными учреждениями, дублирование исследований по межвидовой гибридизации с работами ВИР и т. д. В качестве рекомендаций предложено сконцентрироваться на «осуществлении гена». Нигде в тексте нет упоминаний о Т.Д. Лысенко. Отсутствуют предложения об «оргвыводах», хотя подготовка кадров признана «совершенно неудовлетворительной».

В заключение предлагается, чтобы АН СССР взяла на себя инициативу созыва Всесоюзной генетической конференции по планированию, создав организационную комиссию, «которая, с одной стороны, соберет и изучит производственные планы различных генетических учреждений Союза, — как самостоятельных учреждений, так и ВУЗ'овских лабораторий, а с другой стороны, выработает примерную схему планирования генетических исследований в СССР, в зависимости от характера учреждения, района расположения и т. д.»¹⁶³. Тон и осторожный характер рекомендаций говорит о том, что Поташникова не собиралась конфликтовать с Вавиловым. Об этом говорит и тот факт, что хотя на документах стоит резолюция И.И. Презента: «Доложить на Биосекторе», выводы комиссии было рекомендовано не обсуждать до будущей Всесоюзной конференции по планированию генетики.

По итогам проверки был создан Оргкомитет конференции во главе с Н.И. Вавиловым. ЛОКА делегировал в Оргкомитет философа И.А. Вайсберга, но тот не участвовал в подготовке конференции и обязанности секретаря Оргкомитета с удовольствием исполняла Б.Г. Поташникова¹⁶⁴. В первоначальном виде обращения, составленном от имени Оргкомитета в ЛОКА, ученых призывали искать пути «для ускорения научных исследований, осветить ряд теоретических моментов, необходимых для идейного вооружения пролетариата, для борьбы против вредительства, против идеалистических и механистических извращений марксизма»¹⁶⁵. Из текста, приводимого в виде приложения, видно, что генетики усвоили язык и лозунги «культурной революции» и были готовы к «реконструкции своей науки», «пересмотру методов её работы», «внедрению принципа классовости и партийности на основе марксистско-ленинской методологии», «пересмотру направлений и взаимоотношений с другими науками», приведенными благодаря усилиям буржуазных ученых «к состоянию раздробленности, взаимной оторванности и взаимного непонимания, а тем самым к состоянию загнивания, обессиливания, часто к прямому крохоборству». Эти все формулировки, написанные, видимо, Презентом или Поташниковой, вошли в окончательный вариант текста обращения Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований, которая, в конечном счете, состоялась 25–29 июня 1932 г. в Ленинграде¹⁶⁶.

До начала 1932 г. Презент и Поташникова оставались приверженцами генетики и не выступали с прямой критикой Вавилова. 5 апреля 1932 г. на дискуссии «Кризис современной систематики» Презент говорил: «Генетика — это, можно сказать, волшебная наука, которая дает нам могучее оружие, при помощи которого мы можем подойти и к этим проблемам, к проблеме видообразования и понятию отбора»¹⁶⁷ и подчеркивал: «...У нас большие расхождения с Ламарком»¹⁶⁸. В то же время он с яростью ренегата клеймил своих недавних

¹⁶²СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

¹⁶³СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

¹⁶⁴СПФ АРАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.

¹⁶⁵СПФ АРАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–17.

¹⁶⁶К созыву Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований // Труды Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований. Ленинград, 25–29 июня 1932 г. Л.: Изд-во АН СССР. 1933. С. 5–7.

¹⁶⁷СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 73.

¹⁶⁸СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 84..

кумиров деборинцев «за примиренчество к Филипченко, Кольцову и другим буржуазным ученым»¹⁶⁹.

22 февраля 1932 г. на Бюро ячейки Биологической ассоциации АН СССР была принята резолюция по результатам обследования АН СССР¹⁷⁰, написанная в стиле Презента. В ней говорилось о необходимости критики школы Ю.А. Филипченко за подготовку внеклассовых специалистов, за увлеченность изучением количественных, а не качественных признаков, увлечение статистикой в обработке результатов исследования и т. д. Аспирантам-коммунистам, не знавших основ генетики, предписывали «развернуть работу по расслоению и политическому перевоспитанию научных работников», а исследования, как проявления классовой борьбы, «держат под контролем». Планы научных работ представляют собой смесь несвязанных между тем. «Директор Лаборатории Вавилов сильно загружен в других учреждениях, не является подлинным руководителем Лаборатории генетики АН СССР, в теперешнем же составе сотрудников лаборатории нет достаточно квалифицированных кадров для руководства научной работой». В итоге аспирантами руководит американский генетик Бриджес, которого неизвестно по какой причине пригласили здесь работать. В качестве вывода предлагалось укрепить членами партии коллектив Лаборатории. Среди них было предложено оставить и Поташникову, что, однако, не случилось, и она была направлена на работу в Воронеж.

Отделу физиологии растений ВИР во главе с Н.А. Максимовым и его работам по яровизации, морозо- и засухоустойчивости растений было уделено максимальное внимание со стороны Презента. Из вировских специалистов член-корр. АН СССР Н.А. Максимов одним из первых высказался за внедрение методологии диалектического материализма в научную практику¹⁷¹, выступал с докладами в ОВМД и ОБМ, критиковал своих оппонентов С.П. Костычева и В.И. Палладина за «механицизм», ведущий «к махровому академизму», а В.Н. Любименко — за витализм, открывший «объятия мистицизму», ратовал за создание «диалектико-материалистической физиологии»¹⁷². Такая готовность к сотрудничеству импонировала Презенту и его единомышленникам. В апреле 1931 г. бригада ЛОКА во главе с И.И. Презентом проводила методологический смотр биологических кафедр естественно-математического факультета Педагогического института им. А.И. Герцена. 28 апреля 1931 г. на совещании представителей ректората, декана и партийной ячейки было решено Максимова «поддерживать, но указать ему на необходимость серьезной перестройки своей научной и педагогической работы»¹⁷³.

Специальная бригада ЛОКА (бригадир С.В. Солдатенков, П.С. Беликов, Л.А. Гардер) обследовала экспериментальные работы Н.А. Максимова. Её выводы обсуждали 5 мая 1931 г. в ОБМ и 22 ноября 1931 г. на Бюро ячейки ВИР'а. Было признано, что Максимов является наиболее квалифицированным специалистом в этой области¹⁷⁴. Вместе с тем, по мнению проверяющих, механистическая методология, отсутствие четкой целевой установки и академизм завели «отдел в теоретический и практический тупик», «производственным, хозяйственно-ценным является только объект исследования, а не сама постановка разрешения вопроса». Эти выводы были поддержаны Чуваевым и А.В. Альбенским, отмечавшим нежелание Максимова признавать собственные ошибки и неверные выводы своих сотрудни-

¹⁶⁹Презент. Классовая ... С. 3)

¹⁷⁰ЦГАИПД. Ф. 2012. Оп. 2. Д. 75. Л. 31—31об.

¹⁷¹ЦГАНТД. Ф. 318. Д. 478. Л. 48.

¹⁷²Максимов Н.А. Методология физиологии растений: В порядке рассуждения // За марксистско-ленинское естествознание. — 1931. — № 3—4. — С. 105—121.

¹⁷³СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 4—5.

¹⁷⁴СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

ков¹⁷⁵ и критиковавшим саму комиссию за примиренческое отношение к чуждой методологии Максимова, признание последним диалектического материализма только на словах и т. д. Альбенский заодно высказал ряд общих соображений о значении для сельского хозяйства и философии марксизма работ по акклиматизации, фотопериодизму, селекции и пр., за которые был тут же обвинен в ламаркизме Креслиным¹⁷⁶. Категоричен был П.С. Беликов: *«Несмотря на то, что лаборатория работает над изучением пшеницы и др. растений, она работает чисто академически и для нашего сельского хозяйства решительно ничего не дала»*¹⁷⁷. Те же претензии были им высказаны в статье, посвященной «повороту» Максимова от «механистического мировоззрения» в «сторону диалектико-материалистического». По мнению Беликова, Максимова надо шире внедрять «план, соцсоревнование, ударничество», и «чем быстрее вольются в лабораторию новые кадры научных работников и переработаются старые», тем скорее будут изжиты академизм, отрыв от практики, «а метод марксистско-ленинского мировоззрения работников лаборатории внесет новые научно-исследовательские методы»¹⁷⁸.

Критические замечания в адрес Максимова раздавались и в стенах ВИР. Аспирантка Отдела физиологии растений М.Г. Тимофеева предлагала *«внимательно присмотреться к новому диалектическому марксисту проф. Максимова. На словах много хорошего говорится, а на деле у него „белые и черные“ аспиранты»*, — следовательно (приговор!), он «двурушник»¹⁷⁹. Даже Н.В. Ковалев признал, что в отделе Максимова *«не реализованы и не популяризированы методы по яровизации»*¹⁸⁰. Отвечая на подобные замечания, С.В. Солдатенков заметил, что от Максимова и проверявшей его бригады нельзя требовать решения тех вопросов, которые накопились в физиологии растений за столетие¹⁸¹. Его поддержал И.И. Презент: *«Нам надо не только критиковать выводы бригады, но осмысливать представленные материалы»*¹⁸². Презент порою даже сдерживал своих единомышленников, напутствуя их 19 апреля 1931 г. на дискуссию в Лесотехнической академии: *«Завтра на диспуте слово „вредитель“ не должно быть произнесено... Надо показать, как показал вчера Максимов, что так называемых естественных условий в реальности не существует»*¹⁸³. Подобные реверансы в адрес Максимова, вероятно, связаны с тем, что, будучи осведомленным о настроениях в обкоме ВКП(б) по поводу ситуации в ВИР'е, Презент избегал столкновений с влиятельным представителем вавиловской команды, и, может быть, надеялся использовать работы Максимова для создания диалектической биологии, нацеленной на овладение «формообразованием» организмов.

Между тем обстановка в ВИР продолжала накаляться. После статей в «Комсомольской правде», «Ленинградской правде» и «Экономической жизни» ВИР в течение полугода обследовали бригады, *«которые на основании непосредственных наблюдений, а также замечаний и указаний отдельных сотрудников Институты и совещаний сделали выводы, утвержденные в основном Областным комитетом партии»*¹⁸⁴. 4 мая 1931 г. на заседании партийной ячейки заслушали выводы одной из обследовательских бригад обкома во главе с Меньши-

¹⁷⁵СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

¹⁷⁶СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

¹⁷⁷СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

¹⁷⁸Беликов П.С. Критические замечания Н.А. Максимова // За марксистско-ленинское естествознание. — 1931. — № 3–4. — С. 130.

¹⁷⁹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 115

¹⁸⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 71.

¹⁸¹СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

¹⁸²СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

¹⁸³СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.

¹⁸⁴ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

ковым, куда входили также Г.И. Быков и Ефимов. Соответствующими были и выводы. «Поворот не сделан. Переименование Института не повлекло изменения его работы». «Во главе Института стоит академик Вавилов со своими теориями. Теория Вавилова сознательно используется реакционной частью научных работников для отвлечения науки от социалистического строительства». «Парт[организацией] недостаточно было сосредоточено внимание на повседневное руководство реорганизацией Института», что «создает благоприятные отношения для вредительства». «Партруководство недооценило, не справилось с этим делом, налицо правооппортунистический уклон. В парторганизации склочная обстановка»¹⁸⁵. Состоявшееся обсуждение подтвердило последний вывод. Каждый кого-то уличал: А.В. Альбенский — парторганизацию в отсутствии прогресса в изменении планов; Г.Н. Шлыков — ученых, превративших науку в самоцель; П.К. Артёмов — специалистов «во вредных линиях в работе, а партийную ячейку в делячестве»; Н.С. Переверзнев — Н.И. Вавилова, не позволявшего исправить ситуацию. Г.И. Быков призывал не бояться Вавилова и обвинял всех в травле П.И. Чазова, А.В. Альбенского, Г.Н. Шлыкова и Н.А. Басовой. По мнению Ефимова, Н.С. Переверзнев мало информировал обком, а А.К. Коль, хоть и «сумбурный человек, но извлечь из него ценное надо, нужно создавать ему лучшее условие». В целом П.К. Артёмов признавал ошибки, Н.Г. Касаткин отрицал обвинения в адрес партийной ячейки, а Быков обвинял Касаткина в сопротивлении партийной линии. Подводя итоги, Меньшиков сказал, что не верит в искренность Артёмова и представителей администрации Переверзнева и Касаткина. «Правый оппортунизм остался жить и после решения райкома» — таков был его окончательный вывод. В результате состоялись перевыборы партбюро, благодаря поддержке представителя обкома секретарем на этот раз стал А.В. Альбенский, которого до этого не раз прокатывали, а его союзник Шлыков остался лишь кандидатом в члены бюро. Пытаясь завоевать на свою сторону Н.В. Ковалева, Альбенский первоначально взял курс на сотрудничество с администрацией.

«„Бывшие вредители“»

Активность Г.И. Быкова и его подопечных создавала угрозу для всего ВАСХНИЛ и было решено возглавляемый им Институт расформировать, а аспирантов распределить по соответствующим отделам для участия в плановых исследованиях. Это вызвало бурные протесты тех, кто стремился не столько к работе, сколько к изгнанию «зубров». «Распыление» аспирантов по институтам они назвали политическим вредительством, ведущим к росту «классово чуждых и враждебных прослоек», к отказу от «пролетарского контроля и хорошей марксистско-ленинской подготовки»¹⁸⁶. Руководству ВАСХНИЛ предлагали «сделать необходимые выводы, хотя и с опозданием», и для этого составили докладную записку в Наркомзем на имя Я.А. Яковлева, а копии, как всегда, послали в ЦКК — НК РКК. Кроме того, протестовавшие требовали в отделе сельскохозяйственных кадров ЦК ВКП(б) собрать Всесоюзное совещание «треугольников» всех Институты ВАСХНИЛ, а пока развернуть «решительную и беспощадную борьбу с так называемой нелегальной „черной“ аспирантурой, резервом реакционной и контрреволюционной части профессуры во всех научных научно-исследовательских институтах ВАСХНИЛ»¹⁸⁷. Однако на их протесты не обратили внимания, и Ленинградский институт аспирантуры как главная опора «культурной революции» в ВАСХНИЛ был ликвидирован.

¹⁸⁵ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 115.

¹⁸⁶ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–5.

¹⁸⁷ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 6об–7.

На этот раз Н.И. Вавилов добился, чтобы газета «Экономическая жизнь» поместила его ответ на обвинения А.К. Коля. В статье от 13 марта 1931 г. «Работа Всесоюзного института растениеводства в области интродукции новых растений» он подчеркнул, что ВИР можно обвинить только «за широкий размах, за углубленную широкую работу, которая охватывала за короткое время земной шар и в то же время дошла вглубь до оценки мукомольно-хлебопекарных особенностей наших сортов пшеницы и их практического значения... Эти широкие задачи пугают „людей в футляре“, но они соответствуют по масштабу социалистической реконструкции, проводимой в нашей стране». В послесловии к статье Вавилова редакция газеты признала «все бесспорные достижения» ВИР'а, но продолжала настаивать, что ориентировка ВИРа на запросы «завтрашнего дня» служит поводом для ухода от актуальных задач, и желала ВИР'у «включиться в великую работу социалистической реконструкции Советской страны» и показать «новые победы на научном фронте». Комментарий с признанием «бесспорных успехов» и пожеланием «новых побед» Институту, обвиняемому недавно в «чаяновщине», «кондратовщине», «вредительстве», «реакционности» и даже «контрреволюции», означал, что где-то в высоких сферах не склонны поддерживать подобные оценки Вавилова.

От руководства Институтотом был отстранен Н.С. Переверзнев, который за его спиной вместе с секретарем партячейки ВИР П.К. Артёмовым обратился с письмом в Ленинградский обком ВКП(б) и Октябрьский райком (ВКП) в марте 1931 г.¹⁸⁸ Они предлагали «усилить коммунистическую прослойку» среди научных сотрудников и в помощь беспартийным Г.Д. Карпеченко, Н.А. Максимова, В.Е. Писареву и др. оставить «для руководящей научной работы» в отделе генетики А.И. Лусса, в отделе селекции Т.Г. Нестеровича, в отделе физиологии растений С.М. Прокошева, а также Антоненко и Быстрикова по физиологии растений и М.В. Калашникова по культуре каучуконосов¹⁸⁹. Авторы письма предлагали провести кадровые изменения до возвращения Н.И. Вавилова, Г.Д. Карпеченко и Н.Н. Кулешова из зарубежных командировок, откуда они наверняка привезут буржуазные теории, вредные для молодых сотрудников.

Н.С. Переверзнев приказом Наркомзема от 30 апреля 1931 г. был направлен заведующим свекловичным факультетом Воронежского СХИ, но, видимо, место назначения сразу же изменили. Партийная ячейка ВИР'а пыталась протестовать и приняла 6 мая 1931 г. резолюцию: «Бюро ячейки ВКП(б) считает необходимым настаивать перед фракцией Президиума Академии и Наркомзема СССР об оставлении т. ПЕРЕВЕРЗНЕВА на работе Зам[естителя] Дир[ектора] ВИР'а, так как т. ПЕРЕВЕЗНЕВ является одним из нескольких чл. ВКП(б) администраторов ВИР, знающих всю работу ВИР'а, признал имевшиеся ранее ошибки в руководстве ВИР'ом, что отмечено и бригадой Обкома ВКП(б), а потому он может и должен с пользой для дела остаться на работе в ВИР'е. Категорически возражать против откомандирования т. Переверзнева на работу в Сельхозгиз»¹⁹⁰. Протест остался без внимания, а увольнение зам. директора ВИР Переверзнева остудило пыл главных критиков Вавилова. Новым заместителем Вавилова стал Н.В. Ковалев, имевший большой авторитет и связи в партийных кругах, а также опыт административной работы в ВАСХНИЛ. Это был удачный выбор. Ковалев оказался для Вавилова не только ценным помощником и верным соратником, но и со временем стал хорошим специалистом по систематике, экологии, географии и генетике плодовых культур.

Вскоре последовали события, убедившие многих, что и дирекция, и ее вировские критики находятся в одной лодке. 15 апреля 1931 г. газета «Экономическая жизнь» вновь обра-

¹⁸⁸ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 16–17.

¹⁸⁹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 16об.

¹⁹⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 26об.

тилась к ситуации в ВИР, инспирированная на сей раз Л.С. Эратовым-Слуцким, заведующим Центральным бюро по морским и пресноводным водорослям, переведенным недавно из Москвы в ВИР. Миронов и Молчанов, авторы статьи «„В стороне от схватки“», уверяли, что Всесоюзный институт растениеводства не идет в ногу с запросами реконструкции сельского хозяйства. Итоги обследования бригады „Экономическая жизнь“», как обычно, обвиняли ВИР в академизме, в отрыве от запросов жизни, от нужд промышленности, колхозов, совхозов, в неблагополучном кадровом составе. *«В подавляющем большинстве своем печатные труды работников института заражены теорией Берга и др. антидарвинистов. Элементы диалектического материализма было бы напрасно в этих работах искать. Особняком стоит труд академика П. (так в тексте. — Э.К.) И. Вавилова “Земледельческий Афганистан”».* На этот раз критический удар был направлен и в сторону парторганизации, которая *«не сумела создать прочной основы для осуществления линии партии в институте. Консервативные элементы из научных работников не встретили отпор своим реакционным установкам и деятельности. Более того, этот реакционный блок сумел подчинить своему влиянию некоторых руководящих партработников института (тт. Ушакова, Переверзева, Касаткина)».* Завершалась статья сакраментальной фразой тех лет: *«К Институту должно быть привлечено внимание соответствующих органов».*

Соответственно и реакция нового состава Бюро партийной ячейки на статью в газете была резко негативной. Особое негодование вызвало поведение Миронова при проведении обследования, как сказано, тенденциозного и грубого: *«Статья бригады неправильно освещает вопрос с водорослями и переоценивает вопрос с новыми культурами... написана в слишком резком тоне, что не может положительно способствовать работе в Институте по изживанию недостатков»*¹⁹¹. 1 июля 1931 г. было отвергнуто предложение ГУБКС — РККИ о «доочистке Института»: *«Никаких доочисток не допускать»* ни в Академии, ни в Институтах¹⁹².

18 мая 1931 г. было признано правильным решение секретариата Октябрьского райкома партии, в котором ВИР'у предлагалось более внимательно относиться к части научных работников, вовлекать «в партию» зарекомендовавших себя в общественной и практической работе. Это было явное неодобрение огульной критики специалистов¹⁹³.

Однако окончательную точку во всех этих проверках, выводах, резолюциях мог поставить Ленинградский обком партии. Вопрос «О работе Ленинградских Институтов Академии сельхоз. наук им. Ленина» дважды рассматривался его Секретариатом во главе с С.М. Кировым. В результате первого обсуждения с участием Н.В. Ковалева была подготовлена резолюция, окончательное редактирование которой поручили секретарю обкома и председателю президиума ЛОКА Б.П. Позерну и утвердили её 9 июля 1931 г.¹⁹⁴ В целом она оказалась положительной для Н.И. Вавилова, так как в ней отмечалось наличие *«некоторого перелома в направлении практического участия в разрешении проблем социалистической реконструкции сельского хозяйства (сортоиспытания семян, поднятие урожайности, проблем животноводства, кормовых добавок, технических культур»* и др.¹⁹⁵ Вместе с тем указывалось на отсутствие *«большевистской настойчивости в выкорчевывании»* правого оппортунизма, *«слабую борьбу с вредителями»*, *«засорение аппарата чуждыми элементами»*, *«слабую связь с социалистическим производством»* и т. д. Вновь было указано на слабую работу по привлечению *«ценных специалистов к разрешению задач социалистического строитель-*

¹⁹¹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 31об.

¹⁹²ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 22. Л. 48.

¹⁹³ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 30об.

¹⁹⁴ЦГАИПД. Ф. 24. Связка 28. Оп. 1. Д. 323. Л. 2.

¹⁹⁵ЦГАИПД. Ф. 24. Связка 28. Оп. 1. Д. 323. Л. 13.

ства», включению их в общественные организации типа ВАРНИТСО и даже в партию. Эти изменения в кадровой политике были явно связаны с речью И.В. Сталина 23 июня 1931 г. на совещании хозяйственников¹⁹⁶. В ней предлагалось прекратить травлю старой интеллигенции («спецеество») и беречь ее.

Обком отмечал также ошибки в научно-организационной работе, слабую вовлеченность аспирантов в планы работ отделов, малое внимание философско-методологической стороне их образования, отсутствие тесной связи многих исследований с практикой. Чтобы исправить это положение, ряду райкомов Ленинграда, включая Октябрьский, в который входила парторганизация ВИР'а, было предложено установить контроль над деятельностью Институтов ВАСХНИЛ и оказывать им поддержку. Это была, конечно, жесткая критика, но критика в духе того времени, когда в основном за обвинениями во вредительстве, реакционности и в срыве партийных решений следовали кадровые решения, а затем и репрессивные меры. Ни тех, ни других на сей раз не последовало.

Н.В. Ковалев, докладывая о решении Секретариата Обкома 17 июля 1931 г. на открытом партийном собрании и о принятых дирекцией мерах, подчеркнул: *«Указания на недостатки ни в коем случае не смазывают той большой работы, которая проведена Институтом, и заслуг Института и его работников. За период существования с 1924 г. Институт, конечно, проделал большую весьма ценную работу, не только по собиранию мировых растительных ресурсов, но и по их рационализации, большую работу в части селекции, технических испытаниях, в физиологических и других отраслях»*¹⁹⁷. Он представил на рассмотрение единый план работы ВАСХНИЛ и положение о ВИР, очертил основные направления его деятельности, в которые были включены растительные ресурсы, генетика, селекция, сортоведение, семеноводство, агротехника. Районирование сортов было охарактеризовано как важнейшая задача. Дискуссия была довольно сдержанной. Критики Н.И. Вавилова понимали, что не нашли желанной поддержки в обкоме, а с Вавиловым и его командой придется сосуществовать. Только неугомонный Шлыков продолжал твердить: *«Мы давно ощущали разные недостатки, но что сделано к изжитию этих недостатков? Пока ничего не сделано. Были хорошие перспективы. Но перспективы так и остались. Тов. Ковалев не указал путей, по которым должны протекать наши связи с хозяйственными и научными организациями»*¹⁹⁸. В тот же день К.В. Бобкову было поручено *«составить список ученых специалистов и др. научных работников для их изучения и выявления как резерва по вступлению в партию»*¹⁹⁹, что положило конец огульному их охаиванию.

3 августа 1931 г. в «Правде» было напечатано постановление СНК СССР по вопросам селекции, в котором перед ВАСХНИЛ ставилась нереальная задача — за 3–4 года обновить сортовой состав зерновых культур по всей стране с целью резкого повышения урожайности. 11 августа 1932 г. на партсобрании ВИР *«состоялась проработка решения Обкома от 9/VII по обследованию Академии в г. Ленинграде»*. Его зачитал А.В. Альбенский²⁰⁰. Обсуждение носило формальный характер. Шлыков призывал признать, что *«постановление соответствует нашему положению. Надо им руководствоваться при работе в ВИР'е и исправлять работу ВИР'а»*. К.С. Семакин желал *«взять в оборот тех т. т., которые молчат и не желают отвечать за производство»*, прежде всего *«селекционеров и генетиков»*²⁰¹.

¹⁹⁶Сталин И.В. Новая обстановка — новые задачи. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И.В. Соч. — Т. 13. — 19556. — С. 51–80.

¹⁹⁷ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.

¹⁹⁸ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

¹⁹⁹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 50.

²⁰⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 53.

²⁰¹ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 53

22 августа 1931 г. вновь обсуждали мероприятия, направленные на выполнение постановления Обкома и прямо связанные с «культурной революцией»²⁰². Было решено поддерживать ячейки ОВМД, развернуть кружки по изучению диалектического материализма, активизировать работу ВАРНИТСО, а аспирантов оценивать не столько по политической и идеологической работе, сколько по реальному вкладу в исследования отделов. Почувствовав ответственность и имитируя деятельность, партбюро формулировало пункт за пунктом меры, призванные исправить недостатки. Вот, типичный образец их творчества: *«Отделу генетики и селекции в кратчайшие сроки (не позднее 15. XI) для ускорения сроков выведения новых сортов, пригодных для крупных механизированных хозяйств, разработать план оборудования селекционных центров в соответствии с применением новейшей техники и усовершенствованием методов селекции по культурам»*²⁰³. И так всюду: «поручить», «обязать», «ускорить», «формировать», «обеспечить», «проконтролировать».

Выполняя решения Секретариата обкома 29 сентября 1931 г., с отчетным докладом на групповом собрании коллективов ВКП(б) Ленинградских институтов ВАСХНИЛ выступил секретарь Октябрьского райкома М.Я. Колчинский²⁰⁴. Он заявил о поддержке главных направлений деятельности ВИР'а и об изменениях в партийной кадровой политике, пошутил даже: *«„Бывшие вредители“ неплохо работают для социалистического строительства»*. Одна из задач партийной организации, по его словам, — это *«поворот научно-исследовательской работы к нашему хозяйству»*. Все благополучно с социальным составом аспирантов: *«80% рабочих с производства, 60% партийно-комсомольский состав. Качество учебы оставляет желать много лучшего»*²⁰⁵. Не всегда положительную роль играют общества ЛОКА. И вывод: *«Научные учреждения полностью всеми участками не овладели»*²⁰⁶. Слыша упреки в свой адрес, записные критики ВИР вели себя сдержанно, задавали вопросы по частным, бытовым вопросам. В заключительном слове М.Я. Колчинский сообщил, что в райкоме создан сектор научно-исследовательской работы для повседневного контроля над работой в научных учреждениях и эта инициатива одобрена комиссией Политбюро, обследовавшей райком²⁰⁷.

К осени 1931 г. ситуация в ВИР стабилизировалась. Часть критиков была уволена, другие немного притихли, поняв, что Н.И. Вавилов сохранил поддержку в верхах и продолжение «кавалерийских атак», как любил говорить Альбенский, может обернуться плачевно для их инициаторов, на которых власти все чаще также возлагали вину за то, что те не сумели «организовать», «мобилизовать», «повернуть лицом», «связать с практикой», «внедрить», «не овладели ситуацией» и т. п. На время стихла демагогия, инициаторы и жалобщики не получали поддержки со стороны своих недавних союзников. Партбюро чаще всего становилось на сторону администрации, как это было в случае с Г.И. Быковым, М.В. Калашниковым, М.Г. Тимофеевой²⁰⁸. К тому же Вавилов удовлетворил амбиции главных зачинщиков конфликта, назначив А.В. Альбенского, П.К. Артёмова, А.И. Лусса, Г.Н. Шлыкова и др. заведующими отделами, а некоторых их союзников — руководителями региональных учреждений ВИР, старшими научными сотрудниками. Это позволило на время притушить конфликты. Тем не менее, Вавилов понимал, что Институту нанесен тяжелый ущерб. 7 октября 1931 г. он писал: *«Эта (прошлая ныне) весна была не очень легка для специалистов... Устранено от*

²⁰²ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 55–56об, 58.

²⁰³ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. Д. 22. Л. 55об.

²⁰⁴ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. Д. 22. Л. 11–12.

²⁰⁵ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. Д. 22. Л. 11.

²⁰⁶ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. Д. 22. Л. 12.

²⁰⁷ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. Д. 22. Л. 14.

²⁰⁸ЦГАИПД. Ф. 304. оп.1. Д. 22. Л. 61–63, 72об–73.

заведования много специалистов. Часть была даже под арестом по обвинению в контрреволюции» (Цит. по: Савина, 1995, с. 19).

С ещё большей энергией Н.И. Вавилов взялся за привлечение общественности на свою сторону. В газетах «Известия» (27 октября и 8 декабря 1931 г.), «Социалистическое земледелие» (29 и 30 октября 1931 г.), «Ленинградская правда» (25 ноября 1931 г.) он пишет о роли ВИР в решении проблемы засухоустойчивости растений, в мобилизации мирового генофонда на выведение новых сортов зерновых культур, в продвижении земледелия на Север. В этих в статьях Вавилов, не вступая в полемику, фактически дезавуирует все обвинения в свой адрес, показывает их необоснованность и ангажированность. Проблеме северного земледелия посвящен и его доклад на Ленинградской чрезвычайной сессии АН СССР от 25–30 ноября 1931 г. Все это показывает, что в целом его деятельность поддержана партийными и советскими органами, а также академической общественностью.

В этих условиях Альбенский демонстрирует политику *«помощи Вавилову в преодолении ошибок»*. Весьма характерно его письмо от 22 сентября 1931 г., в котором сообщалось, что Вавилов, как показала его работа «Линневский вид как система», стал пересматривать свои прежние взгляды, признавать роль среды в видообразовании, увеличил число центров происхождения растений якобы до 28. По мнению автора, эти изменения обусловлены рядом факторов: *«а) втягиванием его в хозработы, что надо ещё более углубить, особенно по Президиуму Академии; б) критикой его работ; в) общей критикой (после смены философского руководства) реакционных теорий в СССР; г) правильным политруководством»*²⁰⁹. В эволюции взглядов Вавилова, по мнению Альбенского, существенную роль сыграли также экспериментальные работы Г.Д. Карпеченко по отдаленной гибридизации и Т.Д. Лысенко по яровизации. Как писал Альбенский, *«наиболее важный удар по методам ВИР со стороны Лысенко, который методом яровизации доказал, что скороспелость и прочие физиологические и даже морфологические признаки не постоянны и никакого клубка из себя не представляют, из среднеспелых и поздних пшениц выделит скороспелые, или превратил в скороспелые сорта»*²¹⁰. Это первое упоминание фамилии Т.Д. Лысенко в выступлениях и заявлениях активистов «культурной революции». В концовке записки Альбенский все же напал на Е.В. Вульфа, М.А. Розанову, Г.А. Рубцова, Е.Н. Синскую, М.Г. Попова, объявляя их исследования по-прежнему бесплодными и как бы противопоставляя их Вавилову, двигавшемуся по пути пересмотра своих взглядов и повернувшемуся лицом к практике.

Однако, убедившись вскоре, что Ковалев сохраняет лояльность Вавилову и не собирается во всем потакать Альбенскому и Шлыкову, последние вновь заговорили об *«оппортунистических установках, направленных на затягивание научной работы»*, о *«протаскивании в трудах ВИР теории гомологичных рядов, основные установки которой сам Вавилов признал неправильными»*, о *«недостаточном использовании сил Комакадемии, хотя они пока ещё недостаточно сильны, но они уже нам много помощи оказали»*²¹¹. Особенно его тревожила потеря поддержки у своих недавних сторонников. В ВИР'е у передвигаемых на ответственные посты членов партии *«намечается постепенное заражение от спецов неправильными установками даже в организационных вопросах»*.

Эти вопросы обсуждались на общем собрании ВИР'а 3 января 1931 г. С.М. Прокошев отмечал: *«Во время проверки трудов создаются вредные теории, на которых следует остановиться. Ученые специалисты подчеркивают, что работа слишком специальная и не может быть рассмотрена с точки зрения марксистско-ленинской методологии, нельзя подхо-*

²⁰⁹ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 22. Л. 74.

²¹⁰ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 22. Л. 74

²¹¹ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 45. Л. 1об.

дить с точки зрения постановлений XVI съезда и т. д.»²¹². По мнению Анишева, «большевистскими растениеводами» можно было стать, если «изучать историю классово-борьбы, а не только применение диалектики в растениеводстве»²¹³, а А.В. Альбенский предложил приступить к изъятию из библиотеки вредных книг. Как всегда категоричен по отношению ко всем, кто думал иначе, был Г.Н. Шлыков: «Всякие шутки в сторону, всякие смешки о невыполнении планов — оппортунизм. Всякий партиец, не проявляющий своего лица в работе Института в данное время — настоящий оппортунист»²¹⁴. И вновь резолюция: решить уже в 1932 г. вопрос «поднятия урожая путем внедрения новых морозоустойчивых и засухоустойчивых форм растений, выработки методик определения морозоустойчивости, осеверения земледелия, увеличения посевных площадей... Выведение высококачественных и продуктивных форм, используя материалы растительных ресурсов»²¹⁵.

В связи с этим начались новые нападки на П.М. Жуковского, Г.Д. Карпеченко, Н.А. Максимова. В.Е. Писарева и др., отношение к которым стало «проявлением большевистской чуткости и бдительности»²¹⁶. Причем укрепление принципа единоначалия на всех уровнях должно было каким-то образом сочетаться с укреплением «авангардной роли парт-организации». Во время заграничных командировок Н.И. Вавилова и Н.В. Ковалева Альбенский при поддержке председателя профбюро И.Д. Барышева инициировал процедуру отстранения последнего от должности, сообщив ложно Президиуму ВАСХНИЛ, что вопрос согласован с Октябрьским райкомом и Ленинградским обкомом. Однако в конечном счете Альбенский и на этот раз не получил поддержки в партийных органах Ленинграда. Вавилову удалось защитить своего заместителя, главную вину которого вице-президент ВАСХНИЛ А.С. Бондаренко видел в том, что он «тесно сошелся с Вавиловым»²¹⁷. По мнению Вавилова, нападки на Ковалева были продолжением линии на разгон специалистов, что тогда уже партией осуждалось как «спецеество», как и нарушения принципа «единоначалия». По словам Бондаренко, «Вавилов сказал, что постановление ЦК о Нижегородском заводе написано прямо для ВИР'а. Ковалев больше, чем заместитель директора в ВИР'е, по существу является основным руководителем Института». Судя по всему Вавилов, как и его критики, следил за партийной прессой и был в курсе текущей политики, умело используя лозунги момента. Вместе с тем, Бондаренко не упустил возможности ещё раз показать, кто в доме (т.е. в Президиуме ВАСХНИЛ и ВИР) подлинный хозяин. Будучи вице-президентом ВАСХНИЛ, т.е. официально подчиненным Вавилова, ещё занимавшего пост ее президента, Бондаренко, не задумываясь об элементарной административной этике, подчеркивал: «Сработаться с Вавиловым это ещё не всё, нам ещё нужен партдиректор. Если парторганизация ВИР и РК поставят вопрос о снятии Ковалева, мы не посчитаемся с Вавиловым, если это нужно будет»²¹⁸.

Этот вопрос 9 апреля 1932 г. стал предметом специального заседания «треугольника» (дирекции, партбюро и профкома) в присутствии представителей Президиума ВАСХНИЛ А.С. Бондаренко и Кедера. Они предупредили Альбенского и компанию: «Нельзя на ветер бросать таких слов, как „саботируют“, „вольняют“»²¹⁹, а также необходимо соблюдать принцип единоначалия. Вскоре Альбенский перешел во ВНИИ агролесомелиорации — вна-

²¹²ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 45. Л. 2.

²¹³ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 45. Л. 2.

²¹⁴ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 45. Л. 2об.

²¹⁵ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 45. Л. 9.

²¹⁶ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 45. Л. 18.

²¹⁷ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 48. Л. 3.

²¹⁸ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 48. Л. 3об.

²¹⁹ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 48. Л. 3об.

чале заведующим Отделом селекции и акклиматизации древесных пород, а затем и директором, и уже, видимо, не участвовал в последующей травле Вавилова.

31 января 1932 г. состоялся доклад И.И. Презента «Письмо товарища Сталина и положение на биологическом фронте». Докладчик говорил, что несмотря на поворот многих биологов в сторону марксизма-ленинизма (Б.А. Келлер, В.П. Савич, В.Н. Сукачева, В.А. Траншель, А.А. Ухтомский), «коммунисты встречают ожесточенную борьбу со стороны тех из зубров, которые видят этот перелом и которые не могут нам его простить, они еще более ожесточаются, еще тоньше пытаются выдвигать против нас те или иные способы борьбы. Правда, не всегда бывает очень тонко, иногда они срываются и злоба просачивается наружу. Иногда они открыто начинают говорить о борьбе. Это мы имеем и на нашем биологическом фронте»²²⁰. Но фамилию Вавилова Презент не назвал среди зубров, насмехавшихся над его докладами, называвших их словоблудием и уверявших, что структура их мозгов «не способна воспринимать диалектику». Не упоминал он Вавилова и среди тех, кого отнес к двурушникам, внешне демонстрировавшим свое согласие с диалектическим материализмом. Альбенский, выступая в прениях, поддержал Презента и резко обрушился на В.Н. Сукачева²²¹. Возмущался он и тем, что уволенный из ВИР Н.С. Переверзнев, направлен на работу в «Сельхозгосиздат» и не препятствует там печатанию вредных трудов «почтенного старца» из Ихтиологического института ВАСХНИЛ Л.С. Берга, автора «насквозь реакционной и идеалистической книги „Номогенез“». Альбенский жаловался также на то, что в ВИР'е они столкнулись с тактикой сознательного «обволакивания коммунистов со стороны беспартийных специалистов», в результате чего коммунисты Н.Г. Касаткин, А.И. Лусс и тот же Н.С. Переверзнев, в конечном счете, «принимают взгляды таких людей, как Вавилов»²²².

Ни слова не сказал Презент о Вавилове в одном из своих самых погромных выступлений против российских биологов на конференции «Классовая борьба на естественно-научном фронте», где всячески поносил В.И. Вернадского, В.Н. Любименко, А.П. Пинкевича, Б.Е. Райкова, В.В. Савича, Ю.А. Филипченко и др. Имя Вавилова не упоминалось им и в заключительных мероприятиях ОБМ в Ленинграде, на диспуте «Кризис современной систематики» (5 апреля 1932) и дискуссии по докладу М.М. Ильина «Управление формообразованием животных в условиях повышения хозяйственной продуктивности», также проходивших под председательством Презента. Видимо, Презент понимал, что время «бить Вавилова еще не пришло», да и сам Вавилов активно участвовал в подготовке Всесоюзной конференции по планированию генетических исследований, где в качестве секретаря Оргкомитета с душой трудилась Поташникова.

«Горе побеждённым!»

К началу 1932 г. стало ясно, что главная цель «культурной революции» в биологии — привлечь большое число ученых в марксистские организации и создать пролетарскую науку — не достигнута. Часть биологов, внешне усвоив новую терминологию, продолжала работать по-прежнему. Никто ни в ВАСХНИЛ, ни в АН СССР не воспринимал всерьез призывы начать «проработку» академиков-биологов. Даже члены ОБМ пытались парировать беспричинные нападки на крупных ученых. Коммунист С.В. Солдатенков, которому поручили раскритиковать сотрудников ВАСХНИЛ Н.А. Максимова и С.П. Костычева, выступил в их защиту. Оправдывал он и тех, кто не желал при приеме аспирантов учитывать партийность поступающих. Самые крупные научные сообщества, созданные для диалектизации биологии,

²²⁰СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 106.

²²¹СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.

²²²СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 37. Л. 22об.

насчитывали не более 200 человек, часть из которых механически заполняли карточки на вступление в общества, не стремясь, по признанию самого Презента, «*даже узнать их название*»²²³, а большинство, судя по анкетам, вообще не знало о своей причастности к ним. Апрель 1932 г., когда были проведены грандиозные мероприятия по случаю 50-летия со дня смерти Ч. Дарвина, практически, стал последним месяцем активной деятельности ленинградских биологов на ниве «культурной революции».

Осознание И.И. Презентом своей неудачи побудило его искать покровителя, популярного среди партийного руководства, от имени которого можно было бы создать некую теоретическую базу для новых усилий по созданию «пролетарской» биологии. Презент уже понял, что на «сотрудничество» с Вавиловым и Максимовым рассчитывать не приходится, и он внимательно следил за «успехами» Т.Д. Лысенко, все чаще цитируя его труды, а также методы селекционера И.В. Мичурина. Как удалось установить, именно 11 февраля 1932 г. он договорился о сотрудничестве с Лысенко²²⁴. Окончательный переход Презента от позиции генетиков, поддерживавших Деборина, к идеям «творческого дарвинизма» зафиксирован в его брошюре, изданной Институтом естествознания Комакадемии в апреле 1932 г. к дарвиновскому юбилею. В ней он приписал Мичурину и Лысенко роль «борцов-передовиков по осуществлению соцплана по отношению к жизни животных и растений»²²⁵.

Культурная революция сказалась на языке и стиле выступлений Н.И. Вавилова. 19 апреля 1932 г. в Москве в Колонном зале Дома союзов было проведено совместное заседание АН СССР, Комакадемии и ВАСХНИЛ, где среди главных докладчиков был Н.И. Вавилов. В некоторых местах опубликованного доклада кажется, что Вавилов стремился приблизиться к языку и стилю активистов «культурной революции»²²⁶. В нем есть «*загнивающий капитализм, ведущий бешеную борьбу против научной биологии*», «*разбитые оковы метафизики*», «*скептический генетик, бессильный что-либо противопоставить дарвинизму*», «*смертельный удар витализму*», «*биологические фронты*» и другие клише времени. Интересно отметить, что два дня спустя Вавилов выступил с аналогичным докладом на совместном заседании АН СССР, ЛОКО и ОБМ, состоявшемся в Ленинграде 21 апреля 1932 г. во дворце им. М.С. Урицкого в Ленинграде, опубликованном уже не в сборнике «Партиздата», а в респектабельном научно-популярном журнале «Природа»²²⁷, в текстах двух публикаций есть существенные отличия. В целом обе статьи Вавилова отражает его особенности как крупного ученого, обращающегося к прошлому, прежде всего для доказательства правильности своих идей и концепций. В то же время статья, опубликованная в «Природе», более профессионально сдержанна. В ней отсутствуют некоторые идеологические штампы того времени, которые были в сборнике («*загнивающий капитализм, ведущий бешеную борьбу против научной биологии*», «*скептический генетик, бессильный что-либо противопоставить дарвинизму*»). По нашему мнению, это свидетельство более сильной идеологической редакции Вавилова в сборнике.

В любом случае под «новоязом» просматривается оригинальная концепция о четырех главных этапах развития эволюционной теории: до Дарвина (XVIII век — 1859 г.); утверждение дарвиновской теории (1859–1882 гг.); «*развитие эволюционного учения на растительных и животных объектах*» (вторая половина XIX — часть XX вв.); «*экспериментальное*

²²³СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 116об.

²²⁴СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–5; Д. 22. Л. 12.

²²⁵Презент И.И. Теория Дарвина в свете диалектического материализма. Тезисы к пятидесятилетию со дня смерти Ч. Дарвина. — М.: Комакадемия, 1932. — С. 18.

²²⁶Вавилов Ю. Н. Роль Дарвина в истории биологических наук // Учение Дарвина и марксизм-ленинизм (К 50-летию со дня смерти Дарвина) / Под ред. П.И. Валескалн и Б.П. Токин. — М.: Партиздат. 1932. — С. 62—72.

²²⁷Вавилов Ю. Н. Роль Дарвина в истории биологических наук Вавилов Ю. Н. Роль Дарвина в истории биологических наук Природа. — 1932. — № 6—7. — С. 511—526.

исследование эволюционного процесса и овладение формообразованием у растений и животных» (современный период)²²⁸. Вавилов дал краткую и исчерпывающую характеристику каждого из выделенных им этапов и взвешенную оценку роли каждой отрасли эволюционной биологии в подготовке современного синтеза. При этом Вавилов вновь подчеркнул заслуги многих недарвиновских концепций эволюции (например, Л.С. Берга и У. Бэтсона) в познании механизмов и закономерностей эволюции.

Определяя современный этап развития эволюционной теории, Вавилов заметил, что *«XX веку, по-видимому, суждено быть преимущественно веком развития генетики, но не генетики узкой, оторванной от эволюционизма, а генетики как экспериментального изучения проблем происхождения, эволюции, овладения формообразовательным процессом... В растительной физиологии последнего времени обнаружены факты первостепенного значения, определяющие возможность коренного изменения в смысле сдвижения фаз развития. Исследователь уже научился превращать поздние растения в ранние, заставляя тропические растения цвести и плодоносить на севере»*. В этих словах Вавилов явно опережал реальность, выдавая мечты за свершившееся.

О попытке Вавилова как-то вписаться в диалектизацию биологии свидетельствует его доклад «Изменчивость и наследственность количественных признаков» на февральской сессии АН СССР в 1932 г.²²⁹. Вавилов никогда не публиковал этот доклад, но в письме к Н.В. Ковалеву от 10 марта 1932 г. уверял: *«Народ принял этот доклад хорошо»*²³⁰. Однако были и другие мнения. Например, В.И. Вернадский 19 февраля 1932 г. записал: *«Академическое заседание. Доклад Вавилова интересный; режет ухо его подлаживание под материалистическую диалектику — количество переходит в качество и тому подобное. Это ясно не связано со всей работой. Производит трагикомическое впечатление: человек достиг результатов и затем их искажает, приравнивая к моде. Новые вполне достижения Филиппенко. Вавилов их ввел так, что неясно, где его, и где Сталина»*²³¹. Правда, видимо, и В.И. Вернадский вскоре понял, что не мода, а суровая необходимость найти компромисс со своими гонителями заставляет Вавилова диалектизировать свои результаты, не различая Сталина от Филиппенко. В дневниках Вернадского содержится запись: *«Сейчас идет Генетическая всесоюзная конференция — как всё — вся в скандалах. Vae victis²³²: рознь молодых и старых. Из Москвы — все коммунисты — из них серьёзный генетик только А.С. Серебровский. Борьба против Вавилова... Люди и измучились, и отчаялись»*²³³. Скорее всего, речь идет о проходившем 23–25 марта 1932 г. в ЛАГ Совещании по происхождению домашних животных, где Вавилов выступал с докладом²³⁴. Однако в опубликованных материалах этого совещания нет никаких следов проходившей полемики, а среди московских докладчиков были такие значимые фигуры как В.В. Алпатов, С.Н. Боголюбский и др.

Великий провидец будущего, В.И. Вернадский явно ошибался. Вавилов ещё не был побежденным и по-прежнему оставался лидером отечественных генетиков и селекционеров. Это показала проведенная в Ленинграде 25–29 июня 1932 г. Всесоюзная конференция по

²²⁸Вавилов Ю.Н. Роль Дарвина в истории... — С. 62.

²²⁹Савина Г.А. Чистые линии (В.И. Вернадский о Н.И. Вавилове) // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР / Отв. ред. В.А. Кусанев. — М. — Наука. — 1995. — С. 18—19.

²³⁰Николай... 1987. — С. 158.

²³¹Вернадский... 2001. — С. 259.

²³²Горе побежденным (лат.).

²³³Вернадский, 2001. — С. 288.

²³⁴Вавилов Н.И. Роль советской науки в изучении происхождения домашних животных // Проблема происхождения домашних животных. Вып. 1. Труды совещания по происхождению домашних животных, состоявшегося при Лаборатории генетики Академии наук СССР 23–25 марта 1932 г. — Л.: Тип. АН СССР. — 1933 — С. 5–9.

планированию генетико-селекционных мероприятий. Она, конечно, отличалась от грандиозного научно-политического шоу в январе 1929 г., но также пользовалась поддержкой и вниманием местных властей и прессы. В её подготовке участвовали АН СССР, ВАСХНИЛ и ЛОКА, а в состав Оргкомитета входило немало представителей ЛОКА (А.В. Альбенский, И.А. Вайсберг, А.И. Лусс, Б.Г. Поташникова, И.И. Презент, М.Л. Хлоп, Г.Н. Шлыков), но из них только А.И. Лусс, который к тому времени явно покинул ряды критиков Вавилова, и Б.Г. Поташникова активно участвовали в работе конференции. С основными докладами выступали Н.И. Вавилов, А.С. Серебровский, П.Ф. Рокицкий, Е.Ф. Лискун, по кадрам доклады вали М.М. Камшилов и А.И. Лусс, по типовому оборудованию Н.В. Ковалев и Б.Н. Васин, по печати М.С. Гершензон. Все из примерно 400 участников съезда из 35 учреждений ВАСХНИЛ, Комакадемии, АН СССР, Наркомснаба, Наркомата легкой промышленности, Наркомата леса и вузов были согласны с Н.И. Вавиловым в определении главной цели конференции: *«сделать работу селекционеров генетически более осмысленной, а работу генетиков решительным образом связать с селекцией»*²³⁵. Это должны были обеспечить детальные планы генетических исследований, призванные связать все работы в единую программу.

Вся работа съезда шла под руководством Н.И. Вавилова. В его докладе «Генетика на службе социалистического земледелия (введение к плану генетических исследований в области растениеводства на 1933–1937 гг.)» особое внимание было уделено проблемам частной генетики, связанной с изучением иммунитета растений, засухоустойчивости, зимостойкости, холодоустойчивости, вегетационного периода и т. д. В связи с этим он назвал работу Т.Д. Лысенко о критических периодах в вегетации растений выдающейся, а пропагандируемую им яровизацию «крупнейшим достижением селекции»²³⁶. Насколько волен был Вавилов в подобной оценке, судить трудно. Наиболее верную оценку событий, на наш взгляд, дала Е.С. Левина²³⁷ которая отметила, что в часто цитируемом письме Н.И. Вавилова к Т.Д. Лысенко от 29 марта 1932 г. прямо сказано, что *«оказать всяческое содействие работам Лысенко»* и *«взять на себя заботу»* было не инициативой Вавилова, а исполнением им личного поручения наркома земледелия Я.А. Яковлева²³⁸. Поддерживая метод яровизации, Вавилов опирался также на мнение Научного совета ВИР²³⁹, на котором Лысенко в его отсутствие сделал доклад «Вопрос об озимости», с восторгом, по словам Левиной, принятый Н.А. Максимовым, В.Е. Писаревым и В.В. Талановым²³⁹

Самого Т.Д. Лысенко на съезде не было, как и И.И. Презента, который с группой своих сотрудников уехал в Одессу²⁴⁰. Взаимная готовность к сотрудничеству быстро дала плоды. Из переписки Лысенко с Презентом видно, что уже осенью они приступили к написанию совместных работ²⁴¹. Тогда же было решено формирующуюся концепцию назвать «мичуринской биологией», так как еще в начале 1920-х гг. селекционер Иван Владимирович Мичурин был провозглашен «великим преобразователем природы». Вернувшись в Ленинград, Презент узнал, что «культурная революция» в биологии закончилась и на смену «великому перелому» наступил «великий откат», связанный с ликвидацией ее учреждений и журналов. Из учреждений ЛОКА ликвидировали, прежде всего, Институт естествознания, ОБМ и

²³⁵Труды Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований. Ленинград, 25–29 июня 1932 г. — Л.: Изд-во АН СССР. — 1933. — С. 22.

²³⁶Вавилов Н.И. Генетика на службе социалистического земледелия (введение к плану генетических исследований в области растениеводства на 1933–1937 гг. // Там же. Труды Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований. Ленинград, 25–29 июня 1932 г. Л.: Изд-во АН СССР. 1933б. С. 29.

²³⁷Левина... 1995. С. 50–52.

²³⁸Николай..., 1987, с. 165

²³⁹Левина, 1995. С. 57.

²⁴⁰СПФ АРАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 24. Л. 11–20.

²⁴¹АРАН. Ф.1593. Д.128. Л. 1.

ОБВМ, наиболее активно проявившие себя в годы «культурной революции» в биологии. Вскоре началась тотальная критика самого Презента.

Партячейка Ассоциации биологических наук АН СССР теперь уже осуждала «левацкие заскоки И.И. Презента и Б.Г. Поташников в отношении Лаборатории генетики, где они устроили склоки и травлю специалистов, парализовав нормальную работу коллектива»²⁴². Особо резкие суждения звучали во время чистки—1933 г, где действия недавних лидеров культурной революции оценивали как «левацкие заскоки», «упрошенство» и «спецеество». Об этом говорили не только ученые, но и партийные лидеры Биологической ассоциации АН СССР. Как сказал 20 сентября 1933 во время чистки коммунистов академической лаборатории генетики ведущий специалист по марксистской философии и истории биологии Я.М. Урановский: «Левые загибы, связанные с Поташниковой и методологией Презента, их упрошенство получили достаточное разъяснение как на семинарах, так и на открытых собраниях»²⁴³. В то же время он призывал сотрудников лаборатории не преклоняться перед Ю.А. Филипченко. Секретарь Биологической Ассоциации Е.М. Пружанская была не согласна с этой оговоркой и указывала, что Презент и Поташникова «левацкой фразой пытался определить направление науки», в результате шла «не всегда здоровая критика покойного Филипченко, который уже не мог ответить своим критикам»²⁴⁴. Генетик Ю.А. Керкис подчеркнул вред, причиненный деятельностью Презента внедрению результатов генетических исследований в сельское хозяйство. «Изданию сводки по генетике пшениц помещала необузданная критика со стороны Презент», в то время как «партийная прослойка аспирантов была недостаточно генетически грамотна, а потому они порой не знали, за что Филипченко следует критиковать, а за что не следует»²⁴⁵. С осуждением Презента выступил и физиолог растений И.А. Коломиец: «Перегибы Презента мешали здоровой критике ошибочных теорий в биологии».

Впоследствии многие из активных участников культурной революции погибли в последующих репрессиях, способствуя тем самым «кадровому обновлению» в сельскохозяйственных науках и биологии. Часть из них уцелела — преимущественно те, кто вовремя или отошел от дискуссий, или принял созданную Лысенко и Презентом дисциплину, названную первоначально агробиологией и представленную властям как подлинно пролетарская наука, основанная на принципах диалектического материализма и призванная радикально модернизировать сельское хозяйство. Хотя и это далеко не всем пошло на пользу.

Не мог чувствовать себя победителем и Н.И. Вавилов. Ему удалось на время отбить яростные атаки своих противников, но его позиции как президента ВАСХНИЛ и директора были поколеблены, так как выяснилась его полная зависимость от партийных органов. На руководящие должности в ВИР'е Вавилову пришлось назначить малоподготовленные кадры; многие из назначенных так и не приобрели навыки серьезной научной работы. Следует только удивляться, как в условиях травли, бесконечных реорганизаций, сокращения финансовых, материальных и издательских возможностей Вавилов сохранил единство и комплексность ВИР²⁴⁶ и обеспечил мировой уровень проводимых в его институтах растениеводческих исследований. В то же время в глазах вышестоящих партийных и государственных органов постепенно складывался образ ученого немного не от мира сего, не способного навести порядок в собственном доме. Из образцового советского ученого он превратился в участника бесконечных разбирательств. Сотрудничество с властями сказывалось на языке и стиле его вы-

²⁴²ЦГАИПД. Ф. 2012. оп. 2. Д. 111. Л. 3—5.

²⁴³ЦГАИПД. Ф. 2019. оп. 2. Д. 126. Л. 3.

²⁴⁴ЦГАИПД. Ф. 2019. оп. 2. Д. 126. Л. 2.

²⁴⁵ЦГАИПД. Ф. 2019. оп. 2. Д. 126. Л. 2.

²⁴⁶Николай..., 1987. — С. 155, 158.

ступлений, что вряд ли улучшало имидж Н.И. Вавилова в их глазах, стирая различия между ним и его критиками. Последние, потерпев неудачу на «биологическом фронте культурной революции» и в ленинградских партийных органах, сосредоточились на атаках с помощью ЦКК — НК РКИ и ОГПУ. Уже в сентябре 1932 г., во время очередной командировки Н.И. Вавилова была создана очередная бригада НК РКИ для проверки всей научно-исследовательской деятельности ВИР²⁴⁷. Были арестованы и высланы более 20 ведущих научных сотрудников ВИР, поддерживавших Н.И. Вавилова (Н.П. Авдулов, Н.П. Голубев, П.П. Зворыкин, Н.Д. Костецкий, Н.Н. Кулешов, Г.А. Левитский, А.Д. Лебедев, Н.А. Максимов, В.В. Маркович, В.Е. Писарев, М.Г. Попов, Я.И. Проханов, В.В. Таланов, С.Ю. Шиманович, Н.В. Чайковский, К.М. Чинго-Чингас и др.)²⁴⁸. (Соратники..., 1994; Гончаров, 2007, с. 503–505; Биология..., 2012). Научные дискуссии завершились, начались репрессии. Вскоре от ссылок перешли к расстрелам. В конце 1930-х — начале 1940-х годов были расстреляны или погибли в лагерях и тюрьмах уже не только сторонники (А.И. Аболин, Л.И. Говоров, Г.Д. Карпеченко, Н.Н. Кулешов, Г.А. Левитский, В.И. Мацкевич, К.А. Фляксбергер, К.М. Чинго-Чингас), но и некоторые оппоненты Н.И. Вавилова тех лет (П.К. Артёмов, Д.Д. Арцыбашев, А.С. Бондаренко, Н.С. Переверзнев и др.). В 1930–1932 гг. Вавилову лишь на время удалось отложить разгром своей школы.

Заключение

Публикации последних лет, содержащие нападки на Н.И. Вавилова и оправдания его гонителей, как правило, вызывают чувство недоумения. Видимо, И.А. Захаров (2009, 2011) был едва ли не единственным из генетиков и историков биологии, кто публично отреагировал на попытки «экзгумации лысенкоизма»²⁴⁹. Попытки оценить научное содержание трудов И.В. Мичурина с позиций сегодняшнего дня предприняла Т.И. Соколова²⁵⁰. Действительно, в рамках современных биологических и исторических знаний вряд ли кто-то всерьёз отнесется к заявлению, что Т.Д. Лысенко спас страну от голода, предвидел возможность негенетического (эпигенетического) наследования. Всем понятно, что тогда с полным правом и Ивана Грозного, «видящего насквозь своих бояр», можно признать изобретателем рентгеновского аппарата. Но там, где молчат историки науки, приходят циничные политики и дельцы, которые препарируют прошлое под собственные цели и интересы, создавая новые псевдонаучные проекты и выбивая миллиардные субсидии на них. История науки никогда не выносит окончательного приговора и обречена постоянно «ворочать прошлое», чтобы понять его и, может быть, хоть кого-то предупредить о возможности повторения. Поэтому ведется поиск и ввод в оборот новых материалов, как и новых интерпретаций уже известных событий. Новые документы из партийных фондов Ленинграда и фондов Комакадемии свидетельствуют против культивируемого в настоящее время мифа о том, что конфликт Н.И. Вавилова и Т.Д. Лысенко — это конкуренция двух научных школ, лидеры которых добивались от властей финансовых, материальных и людских ресурсов. Из этих материалов видно, что уже в первых атаках на Вавилова в годы «культурной революции» научная составляющая дискуссий была очень незначительна и никогда не могла бы в нормальных условиях иметь столь трагические последствия для их участников. С самого начала критика Вавилова инспирировалась и

²⁴⁷Есаков... 2008. — С. 173–186.

²⁴⁸Соратники Николая Ивановича Вавилова / Отв. ред. В.А. Драгавцев. СПб.: ВИР. 1994;. Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2011. Энциклопедический словарь / Сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. — СПб.: Нестор-история, 2011.

²⁴⁹Захаров-Гезехус. — 2009; 2011.

²⁵⁰Соколова 2010.

контролировалась частью властных структур, а его противники в основном руководствовались политико-идеологическими и карьеристскими соображениями.

Говоря юридическим языком, вновь открытые обстоятельства не содержат оснований для пересмотра «дела Вавилова». Но требуется уточнение. Со многими элементами того, что сейчас принято называть «лысенковщиной», «лысенкоизмом» или «облысением российской биологии», Н.И. Вавилов столкнулся еще до появления на сцене самого Лысенко в качестве хоть сколь-нибудь значимой фигуры в научном сообществе и был уже приучен идти на компромисс ради спасения своего детища — ВИР. И вряд ли стоит Лысенко считать неким «злым гением», погубившим Вавилова. Он лишь сыграл свою позорную роль в сценарии, написанным не им. Ближе к истине был Ю.И. Полянский, заявивший на первом свободном обсуждении истории советской генетики в апреле 1987 г.: «Никогда история не простит Сталину убийство Вавилова», однако и его одного было бы нечестно обвинять во всех преступлениях той эпохи.

Лысенко был предназначен для «убийства Вавилова», созданной еще в конце 1920-х годов, системой уничтожения всех проявляющих чувство собственного достоинства и самостоятельности. Противостояние Вавилова и Лысенко предопределено логикой развития советской биологии: ее «пролетаризацией», «советизацией», «диалектизацией», «сталинизацией» и т. д. Термины могут быть разными, но суть одна. Там, где власть решает, какие теории правильные, а какие нет, и, соответственно, что следует поддерживать, а что нет или, как говорил Президент, «кого, когда и в какой последовательности бить», победу всегда одерживает псевдонаука. Вот с этим Вавилов, при всей своей склонности к компромиссам, смириться никогда не смог. Об этом, по моему мнению, однозначно свидетельствуют вводимые в научный оборот в данной статье документы.

В заключение я хотел бы выразить благодарность Н.П. Гончарову, В.Д. Есакову, С.И. Зенкевич, Е.С. Левиной, М.В. Лоскутовой, С.В. Шалимову, внимательно прочитавшим мой текст и сделавшим важные замечания и уточнения, также С.В. Ретунской за помощь в проверке газетных материалов.